

Сергей Зайцев

Рось квадратная, изначальная

«Автор»

2001

Зайцев С.

Рось квадратная, изначальная / С. Зайцев — «Автор», 2001

Отказная гонка – уникальное явление, возможное только в единственном мире. Но герои этой книги даже не подозревают, в каком фантастическом мире они живут – ведь он привычен им с детства, а сравнивать не с чем. И уж тем более не ведают, в какое невероятное приключение втянет их судьба...

© Зайцев С., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Книга 1	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	10
Глава третья,	11
Глава четвёртая,	17
Глава пятая,	19
Глава шестая,	23
Глава седьмая,	27
Глава восьмая,	29
Глава девятая,	35
Глава десятая,	38
Глава одиннадцатая,	40
Глава двенадцатая,	42
Глава тринадцатая,	46
Глава четырнадцатая,	47
Глава пятнадцатая,	50
Глава шестнадцатая,	54
Глава семнадцатая,	57
Глава восемнадцатая,	66
Глава девятнадцатая,	67
Глава двадцатая,	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сергей Зайцев, Борис Завгородний

Рось квадратная, изначальная

Книга 1

Рось квадратная, изначальная

Жизнь – трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит.

Ж. де Лабрюйер

Три пути ведут к знанию: путь размышления – это путь самый благородный, путь подражания – это путь самый лёгкий и путь опыта – это путь самый горький.

Конфуций

Глава первая, в которой в очередной раз подтверждается старая истина – пить надо меньше

Ежели какая-нибудь неприятность может случиться, она случается.

Апофегмы

Наконец-то до трактира добрался, ядрёна вошь, как раз под самый вечер! Все ноги ж за день оттоптал! Ладно, глянем, что тут и как...

По углам просторного зала, столов на двадцать, весело коптят горючкой жестяные светильники, освещая многолюдное сборище. Народу – яблоку упасть негде, шум, хохот, крик, гул голосов вьётся под потолком, словно дым от костра в ветреную погоду. Кого здесь только нет – торгошники и ремесленники с местного кона, работники Станции, балабойники, жители окрестных весей, приехавшие кто за покупками на кон, а кто и просто так, поразвлечься, да и просто разные путешественники (мало ли по каким делам люди шляются из домена в домен?) – всем достались удобное местечко и добрая чарка браги.

Авось, и мне что обломится?

Ага, за дальним от входа угловым столом, что справа, где о чем-то беседуют трое славов, по всем признакам – коренных жителей домена Рось, – ещё свободно одно место...

Ну-ка, приглядимся к ним, спокойные ли люди, не обидят ли старика, ежели подсесть?

Парню, что расположился лицом ко входу, удобно прислонившись спиной к стенке, на вид лет двадцать. Широкоплеч и русоволос, дороден и высок, лицо круглое, добродушное, прямо кровь с молоком, да ещё покрасневшее от браги и доброй беседы, подбородок выбрит чисто, нос картошкой, глаза голубые, брови выгнуты удивлёнными подковами. Красный, расписанный золочёной вязью по краям армяк распахнут на груди (и вправду, жарковато в трактире), открывая белую шёлковую рубаху, заправленную в синие плисовые штаны. Ежели украдкой глянуть под стол, то можно разглядеть чёрные сафьяновые сапоги на модных, скошенных каблуках. Не из бедных парень, явно не из бедных, может, он и поднесёт чарочку на халявку?

Так, подсядем-ка потихоньку, словно невзначай, да послушаем, о чем промеж них речь идёт... поглядели-то как косо, все трое, но ничего, не гонят пока. Дюже увлечены разговором молодцы-славы, не до старикана какого-то, меня то есть. Зато теперь можно рассмотреть и остальных собокальников да струны старой верной балабойки изладить – вдруг поиграть доведётся, бабку-другую зашибить...

Второй парень, что слева, на вид даже помощнее первого будет. Белобрысый, лицо скуластое, из-под крупного, покрасневшего от выпивки носа свисают пышными пшеничными снопами усы, квадратный подбородок ершится двухдневной щетиной, мощная короткая шея основательно сидит на широких плечах, обтянутых дорогим малиновым армяком. Да уж, от этакого детины так и прёт силушкой молодецкой... На нем пахать, не перепахать, только вот взгляд бледно-зелёных глаз жёсткий, с прищуром, с хитринкой – себе на уме. Сам кого хочешь пахать заставит. Этот явно не подаст, не облагодетельствует...

Может, третий? Худощавый, гибкий, порывистый в движениях, кудрявый, русоволосый красавчик с аккуратной бородкой клинышком, с тонкими усиками под изящно выточенным прямым носом, глаза карие, юркие, так и постреливают с одного собеседника на другого, с чувственно очерченных губ не сходит насмешливая улыбка... Наверняка девицам нравится – спасу нет! Только и этот не подаст, ядрёна вошь. Я калач тёртый, всякое в жизни повидал, в людях разбираться давно научился! Вся надежда на первого, добродушного увальня в красном армяке. Интересная штука жизнь! Вот ведь все одногодки сидят и друг дружку знают явно не первый год, верно – из одной веси, но все такие разные...

Так-так, а что ж это я совсем не слушаю, о чем глаголют? Балабойку и после успею изладить, ядрёна вошь, все равно уши развешивать никто пока не собирается, да и кроме меня балабойников, отрабатывающих свой хлеб, уже хватает. Вон, на помосте разряженная парочка так и наяривает – голосистые, прямо страсть, куда мне, старику, за ними угнаться...

– Разве ж это не по-мужски, парни? – Это заливается худощавый красавчик, кстади щеголяющий, в отличие от приятелей, в одной белой рубашке, без армяка. – Разве ж это не по-мужски – выбрать невесту самому, разогни коромысло, а не ждать, когда она изберёт одного из вас? Вот представьте себя там, перед ней, в Невестин-то день. Я так и вижу, как стоите, словно два дурака, и ждёте, какое решение она примет. Ну а как, Выжига, она выберет Благушу? Как ты себя будешь чувствовать? Да как оплётанный, разве нет?! Или наоборот – как тебе понравится быть отвергнутым, Благуша, друган, да при людях, разогни коромысло, да самой невестой? Поверьте мне, я в такую ситуацию уже попадал, так мне потом год людям в глаза смотреть стыдно было! Ну бывают в жизни оказии, ну влюбились вы оба в одну и ту же, так что ж теперь унижаться друг перед дружкой, ханыгами друг на дружку смотреть?! Да лучше решить дело по-молодецки, по-честному, в Отказной!

Ух ты, это уже интересно – гонку Отказную им предлагает! Весьма редко такое деется, рискованное удовольствие, да и дорогое... Впрочем, парни бедняками не выглядят...

Уел их кудрявый красавчик в самую печёнку – задумались женихи-соперники, буйные головушки от тяжких дум повесили, обмозговывая его явно неожиданное предложение. Добродушный увальень, что Благушей был назван, вздыхает тяжело, голубые глаза с тоской в пустой бокал глядят, словно ответ там потеряли. Встряхивает головой, подливает из кувшина, но не пьёт. Мне бы налил, ядрёна вошь, что ли? Второй же, крепыш Выжига, мрачно усмехается, топорщит усищи, ровно тараканий пахан, щурит правый глаз в сторону помоста, где птицей-трепыхалой заливаются балабойники, затем недовольно цедит сквозь зубы:

– Так-то оно так, Скалец, да больно уж расходы большие, пёсий хвост! Я на новую хату откладывал, семью заводить – значит от стариков отделяться, иначе жизни никакой не будет, а с этой Отказной...

– Ладно, не скардничай, братец, – ухмыляется красавчик. – Мы ж тебе не чужие, разогни коромысло, знаем, что бабок у тебя и на три хаты хватит да ещё останется. Да и нынешний день на торговые сделки был весьма удачным, лучше не бывает, скажешь – нет?

Выжига свирепо зыркает на меня, вгоняя стариковскую душу в пятки. Не понравилось, видать, что красавчик личные дела при постороннем обсуждает – при мне то есть.

– Ты чего, дед, пёсий хвост, не пьёшь? Отдыхать, что ли, сюда припёрся?

– Ась? – На всякий случай прикидываюсь глухим.

– Я говорю, чего сидишь как пень?! – рявкает Выжига, аж брага в бокалах всплёскивается. – Нам балабойка твоя без надобности!

– Ась? Кхе-кхе...

Стою на своём. Глухой я как пень, ребятушки, ничегошеньки не слышу.

– Да глухой он как пень. – Скалец откровенно ржёт. – Эй, дед, выпить хочешь?

– Ась? – Голос едва не дрогнул – конечно, хочу! Но испортил бы весь сюжет.

– Оставь его в покое, – вмешивается Благуша и подвигает свой бокал ко мне – а бокал-то полный! – Выпей, отец, за здоровье наше да за удачу!

Хватаюсь за бокал обеими руками – жест слава и глухому понятен, невнятно благодарю, припадаю к краю, тяну, глоток за глотком, чувствуя, как внутри разливается блаженное тепло. Спасибо, слав, спасибо, сынок, удружил, выручил! Не ошибся я в тебе, душа у тебя добрая! Пожелаю я тебе Удачи, да только тебе одному и пожелаю!

– Ну что решили-то? – тормозит собокальщиков Скалец. – Три дня до Невестина дня осталось, ни больше ни меньше, ровно столько, сколько для Отказной и надо! Кто первый за три дня вернётся на родной домен, тому невеста и достанется!

– Не гони камила, пёсий хвост, – хмурится Выжига – Не так все просто...

Благуша молчит, тоже бровями двигает, лоб морщит. Сразу видать, что затея ему не по душе. Не робей, парень, я тебе удачи пожелал, да не просто удачи, а Удачи! А я не кто иной, как... Хм, однако – понесло. Имя моё без особой надобности даже в мыслях называть не следует. Главное, парень, вот что – что бы ты сейчас ни решил, все у тебя получится!

В трактир заглядывает стражник по прозвищу Обормот, спиной-то я его, конечно, не вижу, но зычный бас мостовика-раздрайника перекрывает трактирный шум, как горный водопад – шум грибного дождика.

– Эй, народ! – ревёт Обормот. – Ежели кто желает покинуть домен сегодня, халваши-балваши, то самое время поторапливаться, так как до смещения осталось всего ничего! И не говорите потом, что не слышали!

Закончив речь, стражник звучно хряскает древком служебной алебарды об пол.

С разных сторон от трактирного люда Обормоту несутся дружеские приглашения присоединиться и опрокинуть бокальчик-другой, и мостовик, явно сменившись с дежурства, одно из приглашений благосклонно принимает. Я не оглядываюсь. Во-первых, и так слышно и понятно, во-вторых, я же «глухой». Цежу себе потихоньку из бокала, растягивая удовольствие, поглядываю ненавязчиво на заинтриговавшую меня троицу. Даже после столь многих лет, сколь мало кому выпадает прожить, простые людские дела все ещё вызывают у меня немалый интерес. Впрочем, сейчас делать все одно нечего...

Благуша снова вздыхает, явно не зная, чем занять осиротевшие руки на столе, бросает взгляд в сторону стойки трактирщика и начинает нехотя подниматься, но Скалец ловко перехватывает его порыв.

– Сиди, Благуша, сиди, друган, я сам сбегаю. Принесу тебе бокал, разогни коромысло, да и кувшин заодно наполню.

– Трогаться уже пора, оторви и выбрось, – ворчит слав, плюхаясь обратно на скамью.

– Ничего, кувшинчик ещё успеем уговорить, – отмахивается кудрявый красавчик, улыбаясь с каким-то затаённым смыслом.

Возвращается он на удивление быстро, грохает перед Благущей бокал и наливает всем, кроме меня, но слав, добрая душа, и на этот раз не забывает о старике:

– Налей и ему, я плачу.

– Как скажешь, друган, как скажешь, разогни коромысло...

Признательность моя уже не имеет границ, так и рвётся наружу, так что еле успеваю её топить в халывной браге. Прикладываются и остальные, без тостов, на посошок.

– Ладно, подводим итоги, – говорит Скалец, отставляя посуду и утирая губы уже изрядно испятнанным рукавом белой рубахи. – Ты как, Выжига, согласен?

– Надоел ты мне до смерти, пёсий хвост, – ворчит усатый крепыш, не зная, на что решиться, – Пристал как банный лист.

– Я что тут даром битый час распинаюсь?! – обижается Скалец. – Давай конкретно, разогни коромысло!

– Согласен, – Выжига пожимает мощными плечами. – Только ежели Благуща тоже согласится.

– Отлично. – Красавчик сразу веселеет и поворачивается к Благущей. – А ты?

– Ну, не знаю... – Слав мнётся. – Не решил ещё, оторви и выбрось.

– Разогни коромысло! Ладно, не буду пока настаивать, время ещё есть – решишь по дороге. А теперь двигаем. Кувшин по флягам разольём?

– Старика оставь. – Благуща кивает на меня. – Пусть повеселится.

– Да ты что?! – возмущается красавчик. – Там же ещё половина!

– Не твоя забота, оторви и выбрось, свои бабки плачу.

– Оставь его, пёсий хвост, – поддерживает тут и Выжига. – Спокойный дед, не мешал, не кланчил. К тому же и глухой ещё, убогий. Заработал. Ладно, пошли.

– Спасибо, ребятки, кхе-кхе, уважили мою старость, – благодарю торгашей уже вослед.

– Не за что, дед, – откликается Благуща. – На здоровье.

– И тебе, парень, и тебе Здоровья и Удачи! Кхе...

Недокашляв, испуганно вжимаю голову в плечи. Вот же угораздило ляпнуть в ответ! Так глупо обмшуриться! Хоть бы не заметили! Но уже чувствую, спиной чувствую – остановились, все трое, оглянулись, смотрят.

– Погоди, дед, так ты не глухой? – недобрым голосом спрашивает Выжига, и я понимаю, что все-таки влип. Но храбро молчу, присосавшись к бокалу. Спиной я не вижу, а уши снова оглохли, спасая положение.

– Да ладно, пошли, чего время терять, оторви и выбрось! – слегка запинаясь, торопит Благуща.

– Ну-ну, – смуро бурчит Выжига, после чего славы, явно махнув на меня рукой, удаляются восвояси.

Ух ты, все-таки пронесло... Снова выручил Благуща. Ну, точно, не ошибся я в этом парне!

Кряхтя, я пересаживаюсь на противоположную скамью. Балабойку, так и не излаженную, да уже и ненужную, кладу на стол, задумчиво провожаю троицу взглядом. Славы удаляются в обнимку, белая рубаха Скальца маячит свечкой между красным армяком Благущи и малиновым Выжиги. Что-то подозрительное было в поведении красавчика, больно уж легко уступил он Благущей. Вряд ли дело только в нехватке времени. Да и походка моего благодетеля показала мне какой-то неуверенной. Я подгребаю к себе его бокал, опускаю в него нос, нюхаю, затем осторожно пробую остаток браги языком. Станный привкус... И вдруг узнаю. Ну точно, подмешал кудрявый подлец, подмешал настойки сон-травы!

Да только ничего у тебя не выйдет, паршивец! Я, лично Я пожелал ему Удачи! А пожелание Сказителя всегда сбывается!

Почти всегда... и не всегда так, как думалось... А иной раз и вовсе не так. Но что-нибудь да сбудется непременно, ядрёна вошь!

Глава вторая, в которой друг бросает друга

Жизнь принуждает человека многое делать добровольно.
Апофегмы

Выжига спрыгнул с передка остановившейся телеги, прошёл назад и в нерешительном раздумье остановился возле спящего другана. Остальные торгаши с Рось-домена, с которыми вместе отмечали удачный день в трактире на Станции, давно уехали вперёд, горлая песни не хуже обожравшихся валериановым корнем кошар, и сейчас, судя по едва доносившимся нестройным воплям, пересекали или уже пересекли Раздрай-Мост над Бездоньем. Выжига специально подгадал ехать последним, чтобы без лишних вопросов сделать то, что предложил ему коварный двоюродный братец.

Стояла ясная ночь, небосвод был густо усыпан яркими глазастыми звёздами, и дорога, стыдливо прикрывшая бока редким лесом, отлично просматривалась в обе стороны на три-четыре десятка шагов. Всхрапнувший за спиной конь заставил Выжигу вздрогнуть. Тяжко вздохнув, словно не он, а конь принял за него это решение, торгош ухватил спящего под руки, стащил его с телеги и отволол в неглубокий овражек, усыпанный опавшей хвоей. Да там и оставил, прислонив спиной к смолистому стволу низкорослой сосенки, торчащей из оврага, как свеча из плошки. Постоял немного, с мимолётным сожалением глядя на туго набитый бабками кошель, подвешенный к поясу бессильно склонившего голову Благуши, но махнул рукой. Он не ворюга. Он и так получает фору, которую другану трудно будет покрыть. Лихого зверья здесь не водится, местность населённая, так что ничего с ним до рассвета не станется и потревожить его здесь никто не потревожит, что вполне могло случиться в трактире. Тот же Обормот, например, в обязанности коего входит присматривать за припозднившимися чужаками с других доменов, мог разбудить Благушу раньше времени. Ведь насильственный сон, вызванный сонником, уже через пару часов обычно переходит в естественный, хотя дурь в голове сохраняется ещё долго. Продрал бы глаза Благуша, сообразил бы, что к чему, и... и за Милку состязаться пришлось бы честно.

Раздражённо выругавшись вполголоса, Выжига виновато отвёл взгляд от спящего Благуши, выглядевшего сейчас абсолютно беспомощным, беззащитным. Эх, судьбина его нелёгкая... Любовь, безрассудная любовь, проклятая любовь толкала его на этот шаг, хоть и разрешённый правилами Невестина дня, но в общем-то шаг подлый. Кто же после такого друганом твоим останется?

Огорчённо крикнув, Выжига вернулся к телеге, забрался на передок и, подобрав вожжи, с силой хлестнул гнедую пару коняг по гладким бокам, вымещая раздражение на ни в чем не повинных животных. Отдохнув за день на кону, те бодро тронулись с места, и колёса ворчливо закрипели, тревожа ночную тишину.

Теперь оставалось сделать не так много – проверить смещение лично, так как домены могли с равной вероятностью как смениться, так и не смениться. А то получится, что он, Выжига, отправится в долгий путь, а Благуша прочухается до вечера и вернётся обратно в Рось-домен, Раздрай перейти – невелика задача. Да и телегу нужно было перегнать на свою сторону, в родную весь, Светлую Горилку, не оставлять же своё и напарника добро в чужом домене за здорово живёшь!

Ну а ежели все будет в порядке, то чесать ему обратно на Станцию.

Глава третья, в которой Выжига продолжает подличать

Ежели у верёвки есть один конец, значит, у неё должен быть и другой.

Апофегмы

По ту сторону Раздрай-Моста, или, по-простому – Раздрая, как и уговаривались, Выжигу поджидал Скалец, нервически вышагивая взад-вперёд перед ожидальней – небольшой деревянной беседкой, предназначенной для самых нетерпеливых, кому позарез надо было попасть в чужой домен сразу после смещения и потому вынужденных ожидать возле Раздрая. В этот час скамья ожидальни пустовала, время близилось к полуночи, и весь честной народ давно уже почивал на мягких перинах, что обоим заговорщикам только было на руку. Чем меньше свидетелей, тем лучше. Стражники же, перегораживавшие проход через Бездонье от неимущих бездельников по обе стороны Раздрая, были не в счёт – их эти дела не касались.

Тем не менее Скалец заметно нервничал.

«Благодетель хренов, – с неожиданно накотившей злостью подумал Выжига, прикладываясь кнутом поочерёдно к обоим конячьим задницам, чтоб бежали резвее. – Небось, гадает, плут, не передумал ли он, Выжига. Да за столь гнилую помощь и морду набить бы не мешало... И набью, – мрачно сдвинул брови торгаш. – Ежели все зазря окажется, то непременно набью. – Приметив наконец Выжигу, Скалец встрепенулся и заторопился навстречу, но дальше заставы, конечно, не пошёл. – И не холодно же засранцу круглый год в одной рубашке щеголять! Чтоб лучше было видно в ночи, что ли, когда свиданки девицам назначает? За это, кстати, девицы его тоже любят – за удаль показную, а за смазливую внешность ими же Скалец прозван был Красавчиком. Ну что за человек! Куда ни плюнь – везде гнильца. И ведь двоюродным братцем приходится! Удавил бы такого братца...

И этих дармоедов тоже, пёсий хвост, – неприязненно подумал Выжига при взгляде на стражников, охранявших Раздрай. Он привычно бросил одному из мостовиков-мангов, застывшему было дороге с алебардой наперевес, положенные пять бабок, и тот отвалил в сторону, разрешая проезд, а коняги ступили на мост. – Понарасставили с обеих сторон Раздрая бездельников с алебардами, и плати непременно и тем, и другим, как же, каждая застава ведь свой домен представляет. Хорошо ещё, что при проезде в одну сторону только одной стороне и платишь, за въезд...

«Удавил бы, – повторил про себя Выжига понравившуюся мысль». По настроению он сейчас готов был передавить половину народа обоих доменов, соседствующих вместе последние минуты, хотя до сих пор не отличался особо крутым нравом. По крайней мере, он так считал. Бывало, правда, по пьяной лавочке пол-веси разгонял коромыслом по домам, но то ведь дело совсем другое, сейчас-то он был тверёзый, как родниковая водица.

Телега меж тем гулко прогрохотала по ребристой, сверкающей первозданной чистотой поверхности стального моста, перекинутого ещё Неведомыми Предками через Бездонье, и съехала уже на землю Рось-домена. Стражники на родной стороне, Гоголь с Моголем, неприступные и важные лицом на службе, знавшие Выжигу давно и не раз вкушавшие с ним брагу за его счёт, сурово пошевелили уставными усами и кивнули, пропуская торгаша, как и положено, беспрепятственно. Остановив коняг, Выжига устало соскочил наземь и бросил поводья услужливо подскочившему Скальцу.

– Держи, пёсий хвост! Бери да гони домой, вражья душа!

– Ай-ай, ты чего ругаешься словами такими нехорошими? – покачал головой Красавчик, скрывая за развязной ухмылкой несказанное облегчение, когда заметил, что Благоуши в телеге

уже нет. – Я ж тебя не заставлял, разогни коромысло, верно? Ты ж сам с усами, не малый хлопец уже...

– Вот я тебе сейчас усы и повыдёргиваю, пёсий хвост... – буркнул Выжига. – А заодно и бородёнку твою куцую.

– Шуточки у тебя, братан. – Скалец на всякий случай отодвинулся на шаг – кулак у осерчавшего Выжиги бывал весьма тяжёлый, как неоднократно пришлось убедиться ещё в долгие годы босоногого детства.

– Ты тоже хорош. – Выжига сердито ударил кнутовищем по сапогу, зыркнул ханыгой. – Не подлил бы сонника в бокал Благуше, пёсий хвост, соревновались бы сейчас по-честному!

– А тебе это надо?

– Надо – не надо, я тебя не просил! – огрызнулся Выжига, повышая голос. – Тоже мне, выискала тут знаток душ человеческих! И с чего это тебе-то обо мне такая забота?

– Ну, друган я тебе али не друган, разогни коромысло? На мой взгляд, ты с Милкой в паре лучше смотришься. И потом, братец я тебе али не братец?

– Двоюродный, – сказал торгаш, как плюнул.

– Да хоть бы и троюродный! – деланно обиделся Красавчик. – Братец же, разогни коромысло!

Но Выжига уже не слушал – всучив кнут Скальцу, он подхватил с телеги заранее припасённую котомку со всем необходимым в пути, пристроил её за плечами да с каким-то обречённым видом махнул рукой:

– Нашим все сам объяснишь. А я пошёл. Пора уж. До встречи, пёсий хвост...

– погоди! На вот, возьми. – Скалец вытянул из кармана штанцов чёрную пляжку размером в пол-ладони и протянул Выжиге.

– Сонник? – смекнув, нахмурился слав.

– Он самый, разогни коромысло. Бери, пригодится ещё!

– И откуда у тебя такие доходы – подозрительно осведомился Выжига. – Ты же ленив, как...

– Да ладно, ладно тебе! Не бери в голову, бери в руки и топай, время уже!

– Благодарить не буду, – сухо сказал Выжига, пряча пляжку в карман армяка. – Все, до встречи.

– Как пожелаешь, братец, – ничуть не смутившись, белозубо осклабился Скалец. – А только зря ты на меня лаешься! Я ж добра тебе желаю!

Хлопнув Выжигу ладонью по плечу, Красавчик ловко запрыгнул на телегу и, хлестнув коня, лихо рванул с места. Развевающаяся белая рубаха плута понеслась в ночи над землёй, аки привидение с погоста. А Выжига, развернувшись кругом, в третий раз за эти сутки заплатил мостовую пошлину молча, но заинтересованно взирающим на происходящее стражникам-дармоедам и снова перешёл по Раздрую в Простор-домен. Теперь, естественно, не препятствовали манги, но один счёл нужным обеспокоиться:

– Ты что надумал, слав? Сейчас смещение будет.

– Да я здесь остаюсь, – проворчал Выжига. – По делам.

– А-а, ну смотри.

Стражники потеряли интерес.

Торгаш проковылял вправо от Раздрая, мимо начального вехового ольда, оба каменных лица которого, развёрнутые в разные стороны и соединённые между собой затылками, сверлили проходящих грозно-вопрошающим взглядом ярко горящих в ночи обсидиановых глаз. Типа: а достоин ли ты, человек, стоять перед моими очами? А не натворил ли чего предосудительного? Хмуро косясь на двуликую статую, Выжига отошёл шагов на десять в сторонку и встал перед Бездоньем, возле самого Края, чтобы дожидаться полуночи.

Да и задумался невольно.

Загадочная штука это Бездонье. Ширина его во всех доменах одинакова – тридцать шагов, а глубина непостижима – там, далеко внизу всегда клубится тяжёлый белесый туман, скрывающий дно. В Бездонье невозможно упасть. Швырни камешек – и с такой же силой он вернётся обратно, отброшенный незримой стеной, растущей над Краями. Потому и преодолеть-перейти Бездонье можно только по Раздрай-Мосту. Но самым загадочным было то, что, даже ежели встать ночью около пропасти и смотреть на ту сторону, в соседствующий домен, не моргая (хоть прутиками веки подопри), смещения все равно не увидишь. Многие пробовали. Едва наступит полночь – перед глазами все поплывёт, затуманится, а когда очухаешься, то по ту сторону бездны будет уже другой домен, другой кон. Никто не знает, как и почему это происходит. Просто таковы законы мироздания Универсума, непостижимые и неподвластные простому человеческому разуму.

Наручная клепсидра показывала, что полночь вот-вот наступит. Время от времени, погруженный в невесёлые размышления, Выжиг слегка встряхивал прозрачную чашку с запаханным донцем, прихваченную к запястью тонким ремешком и обращённую выпуклой стороной вверх, чтобы сонная клепсидра не забывала о своих немудрёных обязанностях. Ящерка в ответ слабо плескалась в водице и тыкалась мордочкой в текущую временную метку.

Ночная тишина была столь полной, что слабый шелест пришедшего в движение Раздрая заставил его вздрогнуть. Выжиг резко вскинул голову. Разделившись точно посередке, половинки широкого стального полотна поползли, исчезая, каждый в своём Крае. Все, клепсидру можно оставить в покое, пусть дрыхнет. Теперь уже совсем чуть осталось. Как только Мост втянется сам в себя полностью, так...

Вдруг навалилось беспамястье, затуманило очи, и облегчённо вздохнул Выжиг, поняв, что сместились-таки домены, ушёл его родной Рось-домен неизвестно на какую Грань Универсума. Теперь ни у него, ни у Благуши не осталось иного выбора, как начать Отказную гонку.

Спустя десять минут, проходя мимо леска, где был оставлен Благуша, Выжиг невольно ускорил шаг – давали знать о себе проклятушие угрызения совести. Лишь увидев светлеющий в ночи под яркими звёздами огромный купол Станции, он сумел-таки выбросить сожаление по поводу содеянного из головы и перевести мысли на предстоящее.

Все козыри, конечно, так и так были у него.

Во-первых, отрыв во времени ему обеспечен часов на шесть-семь.

Во-вторых, Махина уйдёт как раз к этому времени, даже раньше, что поставит друга перед выбором – брать бегунка или коняг.

Бегунки... Скупить самому всех? Глупо. Да и кто ему их продаст, тем более что бабок для такой затеи воз понадобится. А ежели... Выжиг даже рассмеялся, хотя и скованно, от пришедшей в голову идеи. Все гениальное – просто! Раз уж началось все с сонника, так чего останавливаться, верно? А на одних конягах – хоть загоняй их пачками, до центра Простор-домена и за двое суток не успеешь! Теперь он предусмотрел все. Благуше просто не хватит времени. Так что, когда тот появится в Рось-доме, Милка будет уже женой Выжиги, а другану придётся смириться...

Что ж, время покажет, насколько он прав.

* * *

Четыре лампы, развешанные по углам «курытника», довольно сносно освещали помещение внутри. Осмотром предложенного строфокамила Выжиг остался доволен, но, как истинный торгаш, виду не показал. Наоборот, недовольно насупил брови и снова прошёлся взад-вперёд вдоль ряда гигантских птиц, деловито работавших клювами в корытах с зерновой сечкой и не обращавших на потенциального покупателя ни малейшего внимания. Что с них

взять, с этих глупых птиц, так пренебрежительно повернувшихся к нему заросшими белыми перьями задницами.

Зато строфник, дряхлый дедок-манг, согнутый ревматизмом в три погибели, с клюкой в руках, наблюдал за Выжигой от ворот загона с явным интересом, ожидая его решения. Выглядел дед столь ветхим, что оставалось удивляться, как его ещё носят ноги, а не ветер, а удерживался он в вертикальном положении явно только с помощью деревянной клюки. Вцепившиеся в изогнутую, отполированную долгим употреблением рукоять пальцы напоминали когти его подопечных, а длинный острый нос – птичий клюв. Наткнувшись на взгляд Выжиги, сморчок приветливо улыбнулся беззубым ртом. Сама невинность, как же, видали мы таких. Мангам пальца в рот не клади, тут же по самое плечо откусят...

Выжига снова повернулся к своему бегунку. К своему потому что уже выбрал. Третий в ряду здоровенный строфокадил, ростом аж в четыре десятка ладоней, способный, ежели взбредёт в маленькую клювастую и глупую птичью голову, размазать человека по земле одним небрежным ударом длинной, в рост Выжиги, голенастой лапы, лишь бездумно косил большим лиловым глазом на нового хозяина, продолжая сосредоточенно работать клювом в корыте.

Проблема была в упряжи. Выжиге она не понравилась. Металлические крепления седлового мешка-лежака казались истёртыми, кожаные ремни – заношенными и ветхими, да и сам мешок выглядел полной рухлядью, заплатка на заплате. Под стать самому деду-строфнику. И Выжига справедливо опасался, что упряжь может его подвести.

А дело было вот в чем. Скорость, с которой строф бегал, не позволяла обойтись без специального снаряжения вообще. Во-первых, просто задохнёшься от встречного ветра, во-вторых, ежели не привязаться ремнями, тем же самым ветром тебя сорвёт с седла, в-третьих, заработаешь переохлаждение, в-четвёртых, обезвоживание, в-пятых... в-пятых уже не будет. Отдашь Смотрящему Олдю душу. Чтобы ничего этого не случилось, требовалось с головой залезть в специальный кожаный мешок, надёжно закрепить ноги и руки во внутренних кожаных петлях и лечь лицом вниз на упругое ложе лежака, причём ногами по ходу движения. Выглядывать из мешка не было никакой возможности, но этого и не требовалось – приученный бегать только вдоль железнодорожного полотна, строф сам, без помощи седуна доставлял живой груз по назначению. В крайнем случае, ежели так уж захотелось осмотреться, бег камила можно было замедлить, выпростав руку из горловины мешка и дёрнув того за хвост, после чего можно было высовывать наружу и голову. Но делать этого не рекомендовалось. От лишнего разгона бегунок мог «перегореть» и попросту сдохнуть.

Ещё раз окинув придирчивым взглядом ветхий лежак на спине строфокамила, Выжига с крайне возмущённым видом обернулся к зрителю загона и накинулся на него так, словно тот торговался с ним уже битый час, упорно стараясь всучить эту птицу с дрянным мешком:

– Ты что, пытаешься меня надуть, дедуля? Пёсий хвост! Меня, прожжённого торгаша?! Да такое снаряжение ломаной бабки не стоит! Никак угробить меня задумал? За мои же честные бабки, каковые я собираюсь тебе заплатить? Отвечай, старый перхун, клюв тебе в глотку!

– Кхе-кхе... – слабо прокашлялся старик, не сходя с места. – Бог с тобой, слав, сынок. Отличное снаряжение, сколько раз проверено-перепроверено, халваш-балваш, туда-сюда езжено, все доехали благополучно! Кхе... И ты, халваш-балваш, доедешь, слав, сынок, не сомневайся! Долетишь, аки птица бескрылая! А что тёртым лежак выглядит, так то даже хорошо! Значит, испытано! Значит, проверено! Значит, выдержал скорость немыслимую!

– Вот именно, что немыслимую, – проворчал Выжига, остывая. Он снова повернулся к строфокамилу, ещё раз окидывая внимательным взглядом мешок и крепления. Все-таки сто вех в час – это не шутка... выпадешь – убьёшься насмерть, и никакое чудо не спасёт. Но, наверное, прав перхун старый. Ежели столько раз седельный мешок не подвёл, значит, и ещё раз доведёт без накладок. Заплаток, правда, подозрительно много.

Осталось разобраться с остальными бегунками, но проклятый старик не спускал с него глаз. И Выжиги снова вспылел:

– Нет уж, дедуля, меняй лежак, пёсий хвост, или птицу брать не буду!

– Да мой внучок, халваш-балваш, слав, сынок, куда-то запропастился, а сам я не смогу, ждать надобно...

– Ты что, дед, спятил? – Выжиги соорудил зверскую рожу и завопил столь оглушительно, что в лампадах заметалось пламя, грозя угаснуть и оставить их в темноте. – У меня нет времени, пёсий хвост! Клюв тебе в глотку, лапу в старую задницу! Чтобы ты своих камилов на завтрак жрал каждое утро по одному! Чтоб они все передохли! Чтоб...

Старик, охнув, выронил клюку и с неожиданной резвостью юркнул в пристройку возле ворот – исправлять оплошность, пока грозный слав чего не натворил. Выхватив из кармана обсидиановую пляжку с настойкой сонника, Выжиги выдернул деревянную затычку, нагнулся над питьевой кадкой и ловко, без плеска утопил пляжку в мутной, взбаламученной камилами водичке. Пляжку было жалко, стоила она немало, но, во-первых, досталась она ему даром, а во-вторых, время было дороже – выливать настойку из посуды было некогда. Затем, донельзя довольный собой, Выжиги выпрямился и крикнул в сторону пристройки, где сейчас шумно возился дед, подбирая снаряжение.

– Эй, дедуля! Я передумал, пёсий хвост! Жаль мне твои седины, да и времени больно мало, не надрывайся! Беру то, что есть!

Растрёпанная голова деда недоверчиво высунулась из проёма пристройки.

– Ась? Передумал, халваш-балваш?

– Отвязывай камила, дед! И получай бабки! Расценки залога, надеюсь, не изменились, три матрёшки? И две с половиной – возврат по прибытии, так? Да, и положенный глоток бодрячка не забудь поднести, пёсий хвост, а то знаю я вас, мангов, все сэкономить на нас, славах, норовите...

Сморщенное, как высушенное яблоко, лицо строфника расплылось в радостной беззубой улыбке.

* * *

Вскоре Выжиги энергично топал по перрону, таща за собой строфокамила на поводке и ощущая после принятого внутрь бодрячка необыкновенный прилив сил (без этого ядрёного наркотического зелья вынести тяготы и лишения суточной скачки на камиле было бы попросту невозможно, но и злоупотреблять им не стоило). Чтобы вывести бегунка на старт, нужно было сначала выбраться из-под освещённого изнутри вечными огнями купола в ночь. Пока же Станция, строение Неведомых Предков, основательно разлеглась длинным перроном перед торгашом с Роси. Многочисленные пристройки – что внутри, что снаружи купола, теснившиеся на полу, карабкавшиеся на сотворённые из неразрушимого лазурного байкалита стены, – не могли изменить облик древнего здания. Века, да что века, сама вечность в лице Станции взирала на Выжигу сейчас, но тому всегда было начхать на высокие материи, и думал он исключительно о своём, приземлённом.

А на перроне царил суета – бегали грузчики, кричали десятники – заканчивалась разгрузка Махины, стоявшей пока передом к входящим на Станцию. Огромный самоходный механизм выглядел внушительно даже для тех, кто видел его не в первый раз. Приземистая стальная туша Махины распласталась на рельсах, выложенных двумя широкими, в восемь шагов, параллелями путей, гигантским чудищем из детских страшилок. Чётко, словно вытисненные глаза, выделялись фары, охранная решётка сверкала зубьями рта, а поверху Махины и десятка вагонов шёл алый гребень свёрнутых в щитовые колоды парусов, которые ещё никто и никогда не видел в деле. Станным наростом высилась над Махиной отводящая труба, испускавшая

слабые клубы пара. Так и мнилось – чудовищная Машина отдыхала словно живая, готовясь к очередному стремительному броску от края домена к его центру.

Раздался звук колокола – низкий тяжёлый гул поплыл под древними, но вечно молодыми сводами Станции. Выжига невольно остановился, чтобы поглазеть на зрелище Разворота, и топавший сзади строфокамит тут же вытянул любопытный клюв у него над головой, гортанно крикая от возбуждения. Чем-то этот манёвр привлекал гигантских птиц даже больше, чем зевак из людей.

Свистящий крик облаком густого пара вылетел из трубы. Машина дёрнулась, загремев железом вагонных сцепок, и медленно поползла к Завесе, выглядевшей как абсолютно чёрный зев туннеля, нарисованный на стене купола в конце рельсового пути. Да и в самом деле, какой это туннель, ежели снаружи Станции на этом же самом месте можно углядеть лишь глухую стену? Одна из загадок Предков...

А Машина уже нырнула стальной мордой в Чёрную Завесу, не спеша втягивая гигантское стальное тело в никуда. Махинист, необычайно огромного роста рыжий и усатый молодец, лихо прыгнув на перрон прямо перед самой чернотой, важно сложил руки на груди и замер в привычном ожидании. Вот грохочущая голова Машины скрылась полностью, шум словно обрезало наполовину, и в черноту послушно потянулась длинная сегментчатая туша из вагонов, поделённых на два цвета – шесть грузовозов щеголяли легкомысленным голубеньким окрасом, а четыре людских – весёленьким жёлтым. Этакая жёлто-голубая змея. С каждым исчезнувшим вагоном на перроне становилось все тише и тише, пока в Завесу не нырнул наконец последний, и наступила полная тишина – всего на одно пронзительное мгновение, которого наблюдавшей за Разворотом толпе зевак не хватило даже на то, чтобы перевести дыхание. Миг – и морда Машины вынырнула из черноты, уже двигаясь в обратном направлении. Водила Машины торопливо зашагал по платформе по ходу движения, принаравливаясь к скорости подопечной и позволяя ей пока себя обгонять. Когда с ним поравнялась лестничная подножка, спускающаяся из-под ведущей в махинное отделение двери – тайна тайн для всех прочих смертных, – здоровяк махинист ловким прыжком заскочил на лестницу и нырнул в кабину. И тут же с облаком выпущенного из трубы пара Машина издала рёв потревоженного зверя – приветствие своему повелителю.

Вот из Завесы вынырнул последний грузовоз, состав протащился ещё с десятков шагов, ещё раз засвистел гудок, ещё раз клубы пара рванулись под своды Станции, и Машина замерла, как бы засыпая. Наступившая тишина на этот раз держалась чуть дольше, чем при Развороте, а затем толпившийся на перронах народ – будущие седуны людских и каморного вагонов, провожающие и просто зеваки – разразился традиционными оглушительными рукоплесканиями. Больно интересно все это гляделось для людей, в жизни которых было не так уж много развлечений. Тут же раздались свистки десятников, набежали грузчики и хозяева товара – и началось затоваривание грузовозов, представлявших собой здоровенные металлические кораба на колёсах, с целиком откидывающейся боковой стенкой. В людские же вагоны потянулись седуны.

Выжига немного постоял среди всеобщей суматохи, привычно отмечая торгашеским взглядом, кто, куда и какие товары грузит, но, спохватившись, пожал плечами и потащил разочарованно крикнувшего камила к выходу. Забавно все-таки: ну что этим птицам-переросткам до людской суеты? А вот зерном не корми, дай поглазеть...

До рассвета было ещё далеко.

А значит, все пока шло по плану.

Глава четвёртая, в которой ещё ничего не подозревающему Благуше снится сон

*Жаль, что счастье не валяется по дороге к нему.
Апофегмы*

Снилась ему Милка.

Она снилась ему каждую ночь всю последнюю декаду, и каждый раз это выглядело одинаково. Как обычно, Благуша видел тот момент, когда уже пролез сквозь дыру в плетне и, хоронясь среди густо разросшихся кустов малины, старается незаметно подобраться к окну дома Милки, чтобы застать любимую врасплох и сорвать заслуженный поцелуй была промеж них такая незатейливая, но щекочущая нервы забава. И надо было подобраться так, чтоб не зашуршал ни единый листочек, не треснула самая тонкая веточка... Вот и знакомое окно с резными наличниками, уже совсем близко, занавесочки с затейливой вышивкой лениво полощутся на ветру... А вот уже видна прелестная головка ненаглядной девицы, склонившейся над прялкой посреди комнаты, и отчётливо просматривается каждая чёрточка любимого лица...

Уцепившись за подоконник и затаив дыхание, Благуша начал выпрямляться...

И наткнулся на насмешливый и озорной взгляд Милки, непостижимым образом оказавшейся возле самого окна с большой глиняной кружкой в руках. Молча протянув руку, девица накренила кружку над его головой, и не успел Благуша отпрянуть, как прямо в лицо плеснула тугая струя... неожиданно горячей и вонючей жидкости.

Охнув, Благуша попятился в кусты, отплёвываясь и пытаясь протереть глаза рукавом. От удивления на него нашёл какой-то столбняк. В первый раз сон сошёл с накатанной колеи и обломал ему сладкий поцелуй.

– Ах ты, сто тысяч анчуток тебе в... – прозвучал над головой неожиданный бас. – Помогись некуда, халваш-балваш, чтобы в кого-нибудь не попасть! Да что за жизнь такая, халваш-балваш, с такого ж испугу можно и копыта отбросить! Что это ты тут, халваш-балваш, делаешь, парень?!

Благуша вздрогнул, распахнул глаза во всю ширь и прямо перед собой обнаружил жутко удлинившуюся, высунувшуюся из окна руку Милки, в тот же миг жёстко потрепавшую его по щеке.

– Да ты никак пьян, халваш-балваш?

И Милка снова потрепала его по щекам, настойчивей и жёстче, вовсе даже не девичьим движением, а грубым, мужским. Голова слава так и мотнулась из стороны в сторону.

– Да очнись же, парень! Хал вашбал ваш! Сон-травы, что ли, обтрескался? Ух уж эта молодёжь, сто тысяч анчуток каждому в штаны и ещё десяток тебе лично!

Только Благуша собрался что-то ответить, как Милка размахнулась и отвесила ему такую могучую затрещину, что он, не устояв на ногах, зарылся головой в кусты. А когда, перекатившись на спину, снова ошалело продрал глаза, то вместо милого девичьего личика узрел склонившуюся над ним гнусную, разящую сивушным перегаром и чесноком харю, сплошь, до самых пьяных узких глаз заросшую спутанной чёрной бородой и увенчанную остроконечным стальным шлемом – на этот раз действительно наяву.

– Ну, очухался наконец, – радостно пробасила харя, поправляя толстой волосатой пятернёй сползающий на приплюснутый нос край шлема. – Тебя случайно не Благушей звать-величать, малый? Я ж тебя вроде как вчера на кону видел, среди торгашей с Рось-домена, верно? И как тебя угораздило так набраться, что аж сюда занесло? Я ведь тут завсегда останавливаюсь

по малой нужде, место мне чем-то нравится, прямо за душу берут кустики-сосенки, а запах лесной какой ядрёный – аромат! Ну, конечно, до того, как я того, халваш-балваш... облегчусь. Потом аромат уже другой. Хочешь, порадую? А домен-то твой тю-тю! Нескоро сможешь теперь домой-то попасть...

Вот тут-то Благуша и проснулся окончательно, признав в узкоглазой широкоскулой харе стражника-раздрайника Обормота. Манга по происхождению и, следовательно, жителя Простор-домена, в котором Благуше в этот день ну никак не следовало находиться...

Глава пятая, в которой незадачливый жених берётся за дело

Друзья приходят и уходят, а враги накапливаются.
Апофегмы

Не веря своим глазам, Благуша стоял на Краю, глядя на ту сторону широко раскинувшейся пропасти. А там, под ясным утренним светом Небесного Зеркала простирался снежный домен, сменивший его родной, лесной. От белизны снега ломило в глазах, а в лицо через затянутую густым туманом пасть Бездонья бросало ледяные порывы ветра. И куда теперь унесло его родной домен, только Смотрящему было известно, Великому и Двуликому Олдю.

Проморгал Благуша свою полночь, хоть и не по своей вине. Впрочем, сам он тоже был хорош, раз позволил себя так объегорить. «Эх, Выжига, Выжига, – горько думал Благуша, – что ж ты наделал? Усыпил и бросил меня здесь, в чужом домене, а сам, верно, остался в родном, к Милке поближе. На такую низость пошёл, друган, чего-чего, а такого я от тебя не ожидал, никак не ожидал...»

Думалось тяжело. После сонного зелья завсегда так думается, особенно после браги, разбавленной этим зельем. Из двух возможных вариантов: сидеть возле Моста и ждать появления своего домена или отмахать целых сто переходов до столичного храмовника, чтобы точно узнать, где он сейчас находится, и вернуться уже целенаправленно, отмахав ещё столько же, – Благуше подходил только второй. Ведь ежели просто сидеть и ждать, то, конечно, может и повезти вдруг родной домен вернётся уже на следующий день? Но можно просидеть и декаду, монаду и даже больше, а дома родного так и не увидеть. В общем, в путь, и как можно быстрее. Бабки в количестве девяти полных матрёшек, удачно заработанные на вчерашнем кону торговли строевым лесом, у него имелись (спасибо засранцу Выжиге, хоть бабки оставил), и шансы успеть за три дня до храмовника и обратно тоже были неплохие. Эх, бабки, бабки... Сердце кровью обливается, когда подумаешь, что так бездарно, не в барыш, а в гольный убыток тратить приходится, да что поделаешь. Бабки – дело наживное, а Милка... Милку он отдать Выжиге не мог. Лучше уж сразу в Бездонье с головой, ежели, конечно, пустит его в себя Бездонье, или на рельсы, под колёса Махины, ежели, конечно же, та не остановится, как завсегда делает перед людьми, чтобы, не дай Олдь, не задавить...

Благуша со стоном тряхнул головой, в который раз стараясь прогнать муть – в голове после сонника по-прежнему изрядно шумело, – и бегло осмотрелся, ни на чем не задерживая внимания. Суета кона была привычна чуть ли не сызмальства, чего он тут не видел. Толчея – она в любом домене толчея. Мостовые стражники распорядительно покрикивали на снующие туда и обратно по Раздраю гружёные телеги, не забывая собирать пошлину, деловито и напористо лаялись торгаши, заключая друг с другом сделки, – в распоряжении у них был всего день, за который надо было успеть сделать многое. Никогда ведь заранее не знаешь, когда какие домены встретятся завтра, чтобы обменяться товарами через Бездонье. И узкоглазые низкорослые нанки с Нега-домена, жёлтые и худющие, кожа да кости, вечно с ног до головы закутанные в замурзанные ведмежи меха, до хрипоты собачились со столь же низкорослыми, но крепкими и куда более опрятными мангами домена Простор, совершая обмен и выгодную торговлю. В снежный домен уходили строевой лес, мёд, кедровые орехи, ещё вчера приобретённые в Роси, уходили с хорошей наценкой, а также целебные травы, зерно, фрукты и овощи с самого Простора, горюч-камень с горных доменов, да и прочая полезная мелочь в весьма немелких количествах. А обратно везли зимний мех различных зверей, которых отродясь не водилось в вечном лете-осени Простора, да ископаемый долголед, расфасованный в деревянные бочонки,

кадки, берестяные короба (последние – самые лучшие для получения свежего вкуса водицы), а то и просто грубо вырубленные глыбы, укрытые плотными шкурами, не пропускающими света.

Долголед... Да, долголед ему понадобится, в горле уже сейчас стоял знатный сушняк.

Из задумчивости его вывел бас Обормота, неслышно подобравшегося сзади:

– Ну как, парень, халваш-балваш, все так и будешь в молчанку играть? Я сейчас хоть и не при исполнении, без алебарды, но все-таки лицо ответственное, государственное, халваш-балваш, и ты мне, как чужой, все как на духу должен выложить. Может, чем смогу помочь. Видно же, что против воли здесь, халваш-балваш, оказался, иначе б не валялся там, где я... гм, тебя нашёл.

– Как я здесь оказался? – Обернувшись, Благуша пожал плечами, ширина которых была вполне способна поспорить с шириной плеч манга. – Испытание мы решили с другом устроить. К Невестину дню.

– Испытание к Невестину дню? Отказную? Здорово! – Манг восхитился вполне искренне, безотчётно потрогав левой рукой бирюзовую серьгу в правом ухе (правая рука была занята здоровенной алебардой, с которой раздрайник никогда не расставался) – знак семейного положения, о котором славу пока оставалось только мечтать. – Люблю такие штучки, халваш-балваш! Так что ж ты стоишь, сотню анчуток тебе в штанцы?! Тебе же давно пора быть в пути...

Обормот осёкся, задумчиво сдвинул мохнатые брови, прищурил и без того узкие манговские глаза, нахмурился ещё больше...

– То-то и оно, – горько усмехнулся Благуша, оценив мыслительные усилия Обормота, – что давно в пути. Обскакал меня друган. Усыпил да в овраг отволоч. Вероятно, чтоб случайно кто раньше времени не разбудил. Да вот ты на меня и на... наткнулся. – Благуша невольно поморщился – от нового, на днях купленного расписного красного армяка ощутимо пованивало. Нехотя закончил: – Так что я тебя ещё и благодарить должен.

– Да ладно, чего там... – Ражий манг смущённо почесал затылок, запустив пятерню под край пузатого островерхого шлема. И вдруг с силой стукнул древком алебарды оземь. – погоди. Но это же явное и вопиющее вероломство! Халваш-балваш! Так делать не полагается! Как лицо ответственное, государственное, спрашиваю: будешь на него, халваш-балваш, жалобу подавать?

Раскосые чёрные гляделки строго и выжидательно вперились в переносицу Благуши, отчего в ней вдруг нестерпимо засвербело. Благуша оглушительно чихнул, избавляясь от зуда, и пробормотал:

– Ни к чему, сам разберусь... Ладно, мне и в самом деле пора.

– погоди, малый, что-то ты совсем плохо выглядишь. На-ка, халваш-балваш, хлебни. – И манг протянул ему небольшую пляжку, искусно выточенную из чёрного обсидиана, – наверняка работы чернокожих егров, мастеров-искусников из горных доменов.

– Спасибо, после вчерашнего что-то не хочется, – попытался откреститься Благуша.

– Да это не брага, халваш-балваш, это бодрячок! Ядрёная штука, моментально вышибает любую дурь – что хмельную, что сонную. Сам пользуюсь, халваш-балваш, и приятелей пользую! Да бери, не стесняйся!

– А-а... Другое дело, оторви и выбрось.

Всего один глоток – и по пищеводу Благуши понеслась жаркая волна, а затем без всякого перехода шибануло таким лютым холодом, что слав застыл не хуже вехового олдя. Из вытаращенных глаз так и брызнули слезы, язык онемел. Зато голова аж зазвенела от накотившей ясности.

Благуша молча протянул пляжку обратно, пытаясь поблагодарить непослушным языком, но манг великодушно отмахнулся:

– Оставь себе, слав, сегодня у меня хорошее настроение.

– Ско... сколько я... тебе должен? – насилу выговорил слав, зная, что бодрячок – штука довольно дорогая.

– Перестань, халваш-балваш, это по дружбе! Тем более что я ничего не теряю – расходы отнесу на казённый счёт, по укладу «Оказание помощи потерпевшим».

– Спасибо, друган... Оборот. Как раз этого... кхе... мне и не хватало. Однако надобно мне поспешать...

– Ты же о бегунке сейчас думаешь, не так ли, халваш-балваш?

– О ком же ещё, – согласился Благуша, пряча пляжку во внутренний карман армяка и дивясь такой поразительной прозорливости манга. – Другого способа вернуться всего за три дня в свой домен я не вижу, оторви и выбрось!

– Халваш-балваш, я пойду с тобой! – Оборот решительно рубанул воздух свободной ладонью, явно с трудом удержавшись от того, чтобы не изобразить этот же жест любимой алебардой, для внушительности. – Строфник – мой дальний родственник, ежели попрошу, лучшего голенастого тебе даст, да со скидкой. Пусть только попробует отказать, старый сморчок!

– Спасибо за предложение, но бабок у меня достаточно, не в бабках ведь счастье...

– А в их количестве! – довольно заржал стражник, откровенно испытывая удовольствие от возможности оказать услугу славу, к которому вдруг вспылал необъяснимой симпатией. Может быть, из-за испорченного армяка, от которого до сих пор разило за веху? – Путь у тебя долгий, халваш-балваш, так что экономия не помешает! Да, какие-нибудь закупки в дорогу будешь делать?

– Придётся, – кивнул Благуша, невольно тоже начиная испытывать положительные чувства к добродушному мангу, проявившему к нему такое участие. Да и подарок немалую роль сыграл, пляжка из чёрного обсидиана стоила весьма прилично, не говоря уже о содержимом.

– Тогда я сейчас попутку до Станции поймаю, халваш-балваш, а ты, не мешкая, подходи, я тебя на выходе с кона поджидать буду.

– Лады.

Весьма довольные друг другом, они звонко хлопнули по рукам и разошлись.

Благуша решительно направился в торговые ряды кона, легко раздвигая сутившийся народ широкими плечами, а когда высмотрел нужный розничный прилавок, свернул и протолкался к нему сквозь толпу галдящих покупателей. Здесь, почти не торгуясь, он купил берестяной туюсок величиной с два кулака, с кубиком суточного долгольда внутри, а на соседнем прилавке – кое-какую нехитрую снедь в дорогу да и котомку присмотрел, чтобы все это добро разместить. Затем занялся поисками новой одежды, очень уж сильно от него разило... утренним подарком Оборота. Армяк любимого, красного цвета отыскался быстро, не новый, правда, в отличие от испорченного, и без золочёной вышивки, но ещё добротный, целый, причём недорого, что сейчас было особенно важно, а с рубахой и вовсе проблем не возникло – рубахи у торговца имелись всех цветов и размеров. Благуша выбрал алую. Штанцы менять не стал, во-первых, на них не попало, во-вторых, они у него были моднющие аж страсть – плисовые штанцы синего колера. В своё время он за них прилично отвалил бабок – больно уж фартово смотрелись, как у жениха. Тут же у продавца за прилавком и переоделся, спихнув ему подпорченную одежду за скидку на обнову.

В последний раз глянув через Бездонье на снежный кон – шумящих, спорящих мирян там было не меньше, чем на его стороне, слав невольно задержал внимание на необычно большом и дородном для его народа нанке в роскошной шубе из удивительно красивого палевого меха – меха юрсема, – важно и неторопливо рассекавшем собой толпу, слово нож масло. Присмотревшись Благуша узнал в нем Сдельного Пахана – Лук Ян Ко, который, как самый богатый человек среди торгашей, вполне мог себе позволить роскошь вроде этой шубы. Ведь юрсема, небольшие пушистые зверюшки размером с домашних кошар, когда-то водившиеся во всех доменах, ныне стали большой редкостью из-за своей удивительной доверчивости к человеку,

в частности к охотнику. И понятное дело, цена на их мех давно стала прямо-таки занебесной. Большой знатный нанк остановился возле пограничного олда, где в данный момент собрались все старейшины торгового кона с обоих доменов для обсуждения общих торговых проблем, и басовито принялся о чем-то с ними рядиться. Благуша не разобрал, далековато было. Старейшины в ответ закивали, то ли в самом деле согласные с ним, то ли просто не осмеливаясь спорить с самим Паханом. А тот, завершив короткую речь, щедро отхлебнул из поданного ему подбежавшим мальцом огромного кубка с дымящимся напитком и пустил его по кругу.

Спохватившись, слав закинул котомку за плечи и заторопился к выходу из торговых рядов. С удовольствием бы поглазел и послушал дальше, но, увы, некогда. Сегодняшнему кону было суждено отшуметь без него.

Спустя некоторое время в компании с Обормотом он уже пылил на попутной телеге к Станции. Обормот беззаботно трепался о чем придётся, не забыв смущённо похвалить обновку, а слав был задумчив и молчалив. Никогда ещё ему не доводилось попадать в столь отчаянно сложную ситуацию. Ничего, ещё не все потеряно. Успеет... Наверстаёт... Почти три дня в запасе... так просто он не сдастся, оторви и выбрось, и все тут!

В сердце кипело возмущение, требуя немедленной расплаты, но умом Благуша понимал, что до этого ещё ох как далеко. Ничего, Выжига! Отольются тебе горькие слёзки, бывший друган, полной чашей отольются, посмотрим ещё, кто на Милке женится.

Глава шестая, где Благуща воспользовался не тем, чем хотел, а тем, что было

*Наши страх – это источник храбрости для наших врагов.
Апофегмы*

Оказавшись под куполом Станции, свежееиспечённые приятели сразу направились к загону для строфокамилов, но, мимоходом обнаружив на стене трактира вантедную доску, которой вчера ещё не было, сообщавшую, что в розыск объявлена ватага Рыжих, любознательный по натуре Благуща не устоял перед искушением. Хотя следовало поторапливаться, он остановился и всмотрелся в вантедку – доску, словно блюда праздничный стол, украшали хитрые и гнусные рожи бандюков, явно воспроизведённые талантливым художником. Под каждым портретом было написано имя, особые приметы и родовой матюгальник, последний – как самый верный опознавательный знак. Сгорая от любопытства, Благуща бегло просмотрел все: Хитрун – «кровь из носу», огромный рост, жуткая сила, владеет всеми видами холодного оружия; Жила – «усохни корень», худощавый, виртуозно управляется с арканом; Ухмыл – «усы узлом», коренастый, широкоплечий, на левой щеке шрам от виска до подбородка, прилично играет на балабойке; Пивень – «плисовые штанцы», худой, жилистый, голос необычайно басыстый; Буян – «пся крев», рост средний, телосложение среднее, обладает бешеным нравом. Прочитав же, снова перевёл взгляд на преступные лица. Судя по внешности – чистейшей водицы жители домена Крайн, и имена вполне соответствующие бандюкам. Особенно хорошо выписан оказался ватаман Хитрун, словно художник лично знал его в лицо, – гнусная испитая харя с рыжими усищами шире плеч, с торчащими во все стороны рыжими же патлами так и сверлила с портрета крошечными злыми глазками, заставляя с невольной дрожью отвести взгляд. Не дай судьба встретиться с таким на узенькой дорожке... Благуща зябко передёрнул плечами, покопился на спутника – кряжистого, внушительного своим видом Обормота, тоже изучавшего вантедку, с сияющей начищенным лезвием алебардой в правой руке, и сразу успокоился. Ничего, пока такие вот «обормоты» исправно делают своё дело, простой люд под надёжной защитой!

– Бочонок бабок за поимку каждого бандюка, – восхищённо молвил Обормот, дочитав объявление и по привычке стукнув алебардой в пол. – А за ватамана – так все два! Вот бы сподобило словить! Ладно, пошли, слав, нечего время зря терять! Бесплодные мечтания, халваш-балваш, не к лицу настоящему мужчине!

Слав удивлённо хмыкнул. Заняться поимкой бандюков ему и в голову не пришло, просто любопытно было на их рожи взглянуть и родовые ругательства почитать. Появление вантедки в общественном месте – само по себе событие довольно значительное в жизни мирян, так как нужно очень уж здорово насолить властям, чтобы на ней оказаться. Вот ведь действительно, у кого что болит, тот о том и говорит... Через минуту они были уже возле загона. Прилепившееся к стене купола Станции строение выглядело старым и обшарпанным, лишь кое-где вместо отслуживших досок светлели заплаты из свежего дерева да ворота были явно подновлены. Опередив слава на шаг, Обормот любезно распахнул перед ним калитку в воротах, словно приглашая в свой собственный дом, и Благуща ничего не оставалось, как шагнуть внутрь. Хороший парень этот стражник, оторви и выбрось, надо будет его как-нибудь отблагодарить...

С этой мыслью слав и замер на пороге. Он увидел перед собой длинный узкий коридор: слева высилась дощатая стена в два с половиной человеческих роста, а справа все пространство загона словно было соткано из связанных в решётки жердей, образующих длинный ряд

отдельных стойл для строфокамилов – и друг дружке никто не мешал, и простор птичьему глазу был виден. Привычный интерьер...

Вот только стойки были пусты, и в загоне стояла мёртвая тишина.

Благуша растерянно завертел головой, чувствуя, как сжалось и упало сердце. Не может быть. Неужто все бегунки скуплены? Откуда-то из глубины стоек донёсся странный скребущий звук, и взгляд слава сразу же метнулся, в ту сторону и Благуша не заметил, как у него отвисла челюсть.

Строфокамилы никуда не делись. Они спали. Лёжа. Против обыкновения спать стоя. Спали возле кадок, в самих кадках, утопив оперённые туши в водице и пище, чуть ли не друг на дружке. Дёргались в беспокойном сне голенастые лапы, сжимались устрашающие когти, шевелились шеи и головы. Одна птица даже попыталась всхрапнуть, но, видимо ввиду отсутствия практического опыта, получилось лишь придушенное сипение.

Сзади, не менее поражённый открывшейся картиной, в ухо Благуше молча сопел Обормот.

– Да что тут происходит, оторви и выбрось?! – наконец вырвалось у Благуши, впавшего в полнейшее отчаяние.

– Понятия не имею, – пробормотал Обормот и крикнул: – Эй, дед, халваш-балваш, а ну на свет выходи! Где ты там ховаешься?

Дверь незаметной пристройки скрипнула, в щель высунулась седая голова и уставилась на Благушу – он оказался ближе.

– Что тут у тебя за бардак, дедуля? – хмуро поинтересовался Обормот, прислонив алебарду к стене загона и запуская одновременно одну пятерню сзади под шлем, почесать затылок, а вторую – спереди в штаны, что, вероятно, являлось признаком крайней озабоченности. – Я тут к тебе клиента привёл, халваш-балваш, а ты даже не встречаешь...

Но дед не слышал дальнего родственника, коим назвался Благуше Обормот. Выцветшие от старости узкие манговские глаза смотрели на Благушу в упор, смущая того столь непонятным пристальным вниманием.

Вдруг строфник завопил как оглашённый и бросился на слава, замахиваясь клюкой с явным намерением приложить тому промеж глаз. Благуша ошарашенно отскочил в сторону, а Обормот, прекратив чесаться, могучей дланью ловко подхватил тщедушного деда за шкурку и вздёрнул в воздух. Но даже зажатый в лапе Обормота, старикан все равно размахивал руками на манер ветряной мельницы и норовил хватануть Благушу клюкой или пнуть ногой в ветхом сапоге, да не куда-нибудь, а именно в лицо, на крайний случай – хотя бы в пах.

– Ах ты вор, вражий сын, халваш-балваш, ты что наделал?! – пронзительно вопил дед. – Ещё и вернуться посмел, посмеяться над стариком, халваш-балваш, решил?! Да я тебя сейчас изничтожу! В порошок сотру! Ты, порождение Бездонья, сын шлюхи и камила, пустоголовый...

Прыть дедка была отнюдь не стариковская, и угомонился он лишь после того, когда Обормот с силой тряхнул рукой, да так, что беззубые челюсти чмокнулись друг о друга.

– Оставь в покое моего другана, дедуля. Что бы тут ни случилось, он в твоих бедах не виноват. Он всю ночь... халваш-балваш, можно сказать, со мной пробыл.

Дед замер и уставился на Благушу повторно.

– Ай-ай, и вправду не он, – с сожалением простонал дед и поник головой, враз потеряв былую энергию. – Позор на мою седую голову, халваш-балваш, проклятие на мой бестолковый род...

– Ну-ну, – строго осадил его Обормот, нахмутив кустистые брови. – Род наш не трогай, не весь он бестолковый. А теперь по порядку, дедуля. Не как своему племяннику, а как стражу законности в этом домене, ты должен подробно доложить мне, что тут творится.

– Отпусти, сынок... – жалобно взмолился строфник. – Обознался я, халваш-балваш, от расстройства.

– Не будешь драться?

– Не буду, халваш-балваш...

И дед рассказал. Как пришёл русский слав, как взял в прокат бегунка, как хаял его снаряжение, и как после его ухода все бегунки уснули мёртвым сном. Для него же, старика, все славы – на одно лицо. Вот и обознался.

Не дослушав, поникший и совершенно растерянный Благуша поплёлся прочь из загона. Для него уже все было ясно. Выжига. Только он мог устроить ему такую подлянку Похоже, раз оступившись, Выжига уже не мог остановиться. А Махина уже ушла, лишая его последнего шанса. Так что проиграл Благуша Отказную, ещё и не начав её.

Все. Каюк...

Ноги сами понесли слава в трактир, в котором он гулял с торгашам и – сотоварищам и прошлым вечером, не подозревая, как посмеётся над ним судьба-злодейка. У дверей привычно толклись несколько человек, кто входил, кто выходил тверёзые и навеселе, озабоченные и уже осчастливленные. Это было легче всего – в пьяном угаре забыть свою тоску и горе, а средств у него хватало, чтобы веселиться здесь, не просыхая, пару декад, ежели не целую монаду...

...И боль в груди,
И бесконечно жаль,
Что, сердцем не моряк,
Я предал сушу...

Приглушённые закрытой дверью, берущие за душу слова знаменитой песни заставили Благушу остановиться перед входом, чтобы прочитать ещё одно объявление. Сегодня выступал романсер Коло Мийц, знаменитый бас, слава которого гремела по всем доменам, а гвоздь программы, романс «Как лист увядший падает на душу», занесённый с водных доменов Океании, в данный момент уже услаждал слух завсегдатаев.

Как раз в этот момент его и перехватил Обормот.

– Ну, слав, халваш-балваш, теперь у меня есть личный счёт к твоему другу! – грозно заявил стражник, опуская тяжёлую руку на плечо слава и выводя того из созерцательного настроения. – Теперь мы просто обязаны его уделать, сто тысяч раз халваш-балваш!

– Как? – Слав безнадежно пожал плечами.

– Как? Ты забыл про коняг, слав, халваш-балваш?

– Не поможет. Мне что, всю конюшню скупить, оторви и выбрось? Да и не выдержу я такой скачки, не приучен.

– И не надо! Тебе просто нужно догнать Махину, а для этого и пары коняг хватит!

– Да уже прошло два часа, как она ушла! – вспыхнул торгаш, задетый дудацким предложением явно не подумавшего стражника.

– Верно, халваш-балваш, – спокойно согласился Обормот. – Но за эти два часа у неё было три остановки по двадцать минут каждая, уж что-то, а расписание я знаю, как никто другой. Понял теперь?

Благуша встрепенулся, чувствуя как сердце снова наполняется надеждой. А ведь верно! Как это он забыл?! Значит, отъехала Махина всего на час!

– Вижу, вижу, что понял, – самодовольно усмехнулся стражник и решительно рубанул воздух ладонью. – Все, хватит болтать, двигаем в конюшню!

– Да ты меня снова спас, дружище!

От полноты чувств слав бросился кряжистому мангу на шею, как девица бросается на шею суженому. Манг не растерялся – нагло ухмыляясь в рожи зевак возле трактира, паливших на двух безо всякого стыда обнимающихся мужиков, он добродушно похлопал Благушу по спине свободной от алебарды рукой. Впрочем, зевак было немного и проводившие Махину,

и просто любопытствующие миряне в этот час почти все уже покинули Станцию, разбрелись кто по неотложным делам, а кто в трактир, насладиться культурным времяпрепровождением, коли время и бабки позволяли.

Затем, больше не обращая ни на кого внимания, случайные приятели устремились к выходу со Станции, за которым конюшня и располагалась.

Глава седьмая, где нет ничего, кроме бешеной скачки

В любви единственная победа – это бегство.
Апофегмы

Лихо неслась дорога под копытами двух скакунов, ведущего и заводного, рассыпаясь дробным топотом, стелилась быстро и гладко да уносилась вперёд, вдоль рельсового пути, сквозь лёгкий утренний туман, мимо холмов и рощ, фруктовых садов и рукотворных долголедных озёр, эти самые сады орошавших. Да и просто по голой степи стелилась, когда и сады, и рощи, и холмы кончались, открывая взгляду бескрайние просторы трав, волнующихся до горизонта, ещё не освоенных местными жителями оседло-мангами, но уже наверняка испробованных на зуб их конячими табунами. Велик центральный домен лесостепного мира, велик и просторен, впрочем, как и любой другой домен – сорок тысяч квадратных переходов, – это вам не шутка. Так что беги, беги, путь-дорога, торопись навстречу, родимая, потому как должен Благуша догнать Махину и, хоть кровь из носу, укатать сотню переходов её железными колёсами, или кранты его свадьбе!

Три часа с лишним уже минуло, как пустился вскачь от Станции, и притомиться успел до полного изнеможения, и пылью дорожной покрыться с головы до ног, и едким потом изойти – и своим, и лошадиным, пропитав новую, вот только что купленную на кону рубашку насквозь. А, да что говорить, какой из него ездок, ежели на конягу раз в сто дней садиться доводилось, и то больше по пьянке озорной, чем по необходимости, перед дружками покочевряжиться, а тут как-никак больше ста пятидесяти вех пришлось отмахать – геройский подвиг, не иначе! По крайней мере, для него лично...

Хоть бы только не зазря.

Скачи, скачи, Благуша, лови ветер в лицо, подставляй щеки насмешливым оплеухам избалованного дитяти воздуха! Слезились от ветра глаза, зудела кожа, а пересохшее горло молило о глотке водицы... Управляя одной рукой, осторожно, чтоб не выронить, Благуша достал из кармана туесок с кубиком суточного долгольда и, откинув плотную крышечку большим пальцем, минуты на три запаса терпеливым ожиданием. Долголед на свету сразу зашипел, потёк светлыми талыми струйками, и вскоре туесок наполнился доверху. Благуша залпом выпил, с удовольствием крякнул, словно после стопаря, плотно закупорил тару и спрятал обратно. При экономном расходовании этого кубика с лихвой хватит на все путешествие... А может, глоточек бодрячка хряпнуть? Благуша задумался, но решил, что не стоит. Сим дурманом следует пользоваться только в крайнем случае, а то не успеешь оглянуться, как привыкнешь, и покатится твоя жизненная дорожка вниз по наклонной...

Снова поползли-полезли мрачные мысли.

Нет, но за что же ему такая невезуха-то, а? Ведь никому в жизни ничего плохого не сделал, ну разве что по малости – а кто не без грешка в этой грешной жизни? Многие теперь виделось и вспоминалось по-другому, с иным смыслом. Ну Выжига, ну засранец, и бегунков ведь сподобил, мало ему браги с настойкой на сон-траве оказалось... А ведь лучшим друганом всегда его считал, с детства голопузого вместе росли, радости и печали делили, синяками от потасовок и занозами в задницах с соседских заборов друг перед другом хвастались, да вот разошлись пути-дорожки, когда девица пригожая промеж ними встала. Угораздило же обоих в одну, в Милку, влюбиться... Впрочем, что тут удивительного – вкусы у них всегда совпадали, а Милка девчонка и вправду славная, милая, хорошей хозяйкой ей быть, а тому, кто её в жены возьмёт, – быть счастливым до конца дней своих...

На миг бешено несущуюся под копыта дорогу перед глазами затмило, и привиделась ему Милка словно наяву стоит возле крылечка дома своего родительского, лебединую шею изогнув, головку прелестную набок клоня, и глядит на него озорно и многообещающе... А тело ладное, стройное, манящее своей истинной зрелой женственностью, а грудь упруго налилась, словно яблочко спелое, в ладони так и просится, а бедра крутые, великим скульптором отмеченные глянешь, дух захватывает, и ещё кое-что, кроме духа, захватывает тоже, но то уже дело сугубо личное...

Благуша помотал головой, избавляясь от сладкого наваждения, сглотнул подступивший к горлу шершавый комок, хрипло крикнул, выталкивая из горла коварно подбирающееся прямо к сердцу отчаяние, – прочь, прочь! Нет, не бывать Милке женой Выжиги. Никак не бывать!

Острые каблуки кожаных сапог снова вонзились в тяжело вздымающиеся конячьи бока, да только скакун и так выкладывался полностью, аж морда в мыле, и скорости сверх отпущенной природой прибавить был уже не в силах. Пора было пересаживаться на заводного, а этому дать отдохнуть... Опять потеря времени на остановку, на ходу ведь не перемахнёшь, не обучен простой торгаш таким фокусам... ладно, чуть погодя...

Мимо по обочине пронёсся очередной веховой олдъ – двухголовый каменный истукан высотой в человеческий рост, кажется, сто пятьдесят второй...

Точно!

Вот и Тополиный полустанок! Показался-таки наконец – значит, ежели расчёт верен, то до Махины уже недолго осталось, может, совсем рукой подать, выдержал бы только коняга гнедой, друган четвероногий, надежда и спасение...

А полустанок уже стремительно тёк навстречу из киселя утреннего тумана, бежал сбоку перроном, хозяйственными пристройками и...

Привиделось?

Ёкнуло в груди сердечко, замерло.

Да нет же, нет! Вот он, состав гружёный, десятивагонный, бесстыдно зад свой взгляду кажет – догнал-таки! Догнал!

– Эх, Махина, – радостно прохрипел Благуша вновь пересохшим горлом, – и чего это я в тебя такой влюблённый?!

В этот самый момент низкий, протяжный гудок Махины возвестил о начале движения, и состав тронулся.

Глава восьмая, где Благуша завязывает новое знакомство

Чтобы добраться до источника, надо плыть против течения.
Апофеозы

Благуша успел.

Просто не мог не успеть после такой изнуряющей скачки, оторви и выбрось! После таких отчаянных усилий! Тем более что и Махина скорость набирала медленно, постепенно, словно тяжело было ей тащить свои собственные вагоны, так что догнать её оказалось несложно.

Подлетев к смотровой площадке заднего вагона, слав перекинул ногу через седло и, напружинившись в стремени, лихо перемахнул через невысокие решётчатые перила. То есть лихо бы перемахнул, как хотелось, но недостаток опыта, вернее, полное его отсутствие в подобных эскападах подвело, и, не удержавшись на ногах на неожиданно скользком железе, причём инерция соскока развернула тело вокруг оси, он сперва со всего маху навернулся макушкой о стенку грузовоза, а затем приложился всем телом об пол. Железо так и загрохотало. От удара из глаз и искры посыпались, и слезы выступили – все, как говорится, в полном наборе. Ругаясь почём зря, чтобы хоть как-то заглушить боль, Благуша кое-как утвердился на четвереньках и поднял гудящую, ошалевшую от такого обращения голову.

Тополиный полустанок медленно уплывал прочь, а по перрону очумело мотались его коняги, распугивая мирян и служителей. Высмотрев среди прочих смотрителя полустанка, Благуша, преодолевая боль, рывком поднялся на ноги, вцепился руками в перила ограждения и хрипло крикнул во весь голос:

– Присмотри за конягами! Не дай им запалиться, поводи их!

И с удовлетворением увидел, как по знаку смотрителя к конягам выскочили двое пацанов, из той малышни, что всегда крутится в подобных местах в ожидании чудес и приключений, подхватили коняг за поводья и побежали по перрону, потянув их за собой.

Славно. Не пропадут коняги, хоть и бросил он их, почитай, на произвол судьбы. Не хозяйски было губить животных, да и жаль, оторви и выбрось, чисто по-человечески – ведь верно послужили. А так пусть, хоть и в чужих руках, послужат людям ещё...

Благуша осторожно потрогал моментально вспухшую шишку (здоровенная будет, оторви и выбрось!), затем, спохватившись, глянул по сторонам и облегчённо вздохнул – слетевшая при падении с плеча котомка сиротливо жалась к стенке грузовоза. Подобрал её, слав снова уставился в убегающую даль, на быстро уменьшающийся полустанок, постепенно остывая и отдавая ветру вместе с излишками тепла тревогу и нервное ожидание, томившие его на протяжении всей гонки до Махины, а заодно стараясь потихоньку привести мысли в порядок. Да уж, выдалось приключение, неожиданное, непростое, а все благодаря Выжиге...

Чем быстрее Махина набирала положенную скорость, разгоняясь по прямым, как взгляд, путям и унося его в неизвестность, чем больше набирал силу ветер, врываясь на заднюю площадку грузовоза из боковин и напористо охлаживая разгорячённое тело, тем больше в душе росла эйфория от собственной, совсем не свойственной ему в обычной жизни лихости. Наверное, рано или поздно в жизни любого человека наступает момент, когда приходится испытать себя на прочность, и такой момент в жизни Благуши наступил, более того, он выдержал испытание, оторви и выбрось, с честью! Да уж, верно говорят – чтобы достичь желанной цели, порой приходится проявить завидное упорство, преодолеть всяческие лишения. Зато и победа потом сладка! Ну, до полной победы ещё далековато, зато первое препятствие, оторви и выбрось, он уж точно преодолел, главное теперь – не киснуть, продолжать в том же духе! Эх, вот так бы лихо преодолеть и остальные беды!

Так что несмотря на изрядную усталость и здоровенную шишку на макушке, душа у Благуши пела и ликовала. От избытка чувств он даже рассмеялся вслух, заглушив на миг гул свирепеющего от такой насмешки ветра, и в этом ликовании совсем не было места для вероломного заклятого друга Выжиги, а потому и думать о нем слав больше не стал.

Вскоре полустанок превратился в размытую точку на горизонте, а потом и вовсе пропал из виду. По бокам теперь плыла, мелькая цветными полосами разнотравья, голая степь, на которую он уже насмотрелся до тошноты ещё в седле, да убегали назад сверкающие под Небесным Зерцалом рельсы.

Наконец остыв и успокоившись окончательно, слав достал из кармана туесок. Открыл, подождал, пока вмиг зашипевший и «заплакавший» на свету светло-голубой кубик наполнит ёмкость водицей, и, не торопясь, смакуя каждый глоток – это тебе не на коняге глотать, – выпил, после чего ему значительно полегчало. Выполнив своё дело, туесок отправился в котомку, так как необходимость держать его в кармане уже отпала. Затем Благуша привёл себя в порядок одёрнул армяк, расправляя складки, пригладил разлохмаченные шалунишкой ветром вихры – и решил, что пора отправляться искать свободное местечко в людских вагонах.

По периметру стен снаружи грузовозов, на уровне пола, шли ограждённые перильцами узкие служебные дорожки, называемые боковинами, предназначенные для обхода вагонными сторожами на остановках вверенных Махине товаров. По ним-то и предстояло пройти.

Едва он с задней площадки ступил на ближайшую боковину, как тугой встречный ветер накинудся на него, как оголодавший зверь, едва не срывая волосы с головы. Привёл, называется, себя в порядок, усмехнулся про себя Благуша, цепляясь за перила, от которых ветер норовил его оторвать. Чтобы добраться до людских вагонов, нужно было миновать ни много ни мало аж шесть длиннющих грузовозов, и все вот под таким напором. Неудивительно, что ни одного сторожа не видно – кому ж охота так «проветриваться»? Но деваться было некуда, и Благуша медленно побрёл вперёд, перебирая руками по перильцам.

Когда он наконец добрался до цели, то успел основательно продрогнуть, несмотря на то что был одет в тёплый армяк. Как и у последнего грузовоза, у людского вагона сзади тоже имелась широкая металлическая площадка, а вот боковины отсутствовали за ненадобностью, позволяя вагону максимально раздаться вширь. Стуча зубами от холода, Благуша доковылял до торцевой дверцы и дёрнул за ручку. Дверца не поддавалась. Нужно было как-то привлечь внимание, ежели он не хотел тут околеть, поэтому Благуша повернулся спиной и несколько раз лягнул дверцу каблуком сапога. Грохот вышел знатный, глухой бы услышал, так что долго ждать не пришлось – дверца лязгнула, открываясь, и перед Благушей предстал низкорослый манг в зеленом служебном армяке – вагонный смотритель.

– Безбилетник, песок в колёса! – радостно, во весь голос объявил смотритель, словно приглашая всех седунов вагона присоединиться к его нежданному веселью. – Ну, входи, бедолага!

– Сам ты безбилетник, оторви и выбрось! – хмуро парировал Благуша и полез в кошель за бабками – Опоздал я на Махину, только что на конягах догнал, и то насилу.

– А, так ещё и коняги с тобой! А где ж ты их спрятал, песок в колёса, грузовозы ведь уже все закрыты?

Вот дудак, удивлённо подумал про себя Благуша. Как только таких дудаков в смотрителях держат? И нехотя прояснил, на его взгляд, очевидное:

– Коняги на этом... Вот! На Тополином полустанке остались. Сколько с меня?

– Матрёшка, песок в колёса, как обычно!

– Ты мне камила тут не гони, оторви и выбрось, я на две остановки позже сел, значит, и платить должен меньше!

– А как докажешь?

– Как докажу? – Благуша рассердился. – А не хочешь ли выйти и постоять здесь со мной парочку переездов? Посмотрю я, оторви и выбрось, на сколько тебя хватит на таком-то ветру!

Народ, находившийся в ближних ко входу каморах, с интересом прислушивался к разговору Благуши со смотрителем, причём особо любопытные повысовывали головы из-за поперечных перегородок в общий коридор. Подобное назойливое внимание слава смущало, но поделаться с этим он ничего не мог, приходилось делать вид, что ему все до Зерцала.

Смотритель с сомнением осмотрел Благушу с головы до ног, оценил его растрёпанный вид, почесал в затылке и смиловился.

– Ладно, четыре десятка хватит.

– Другое дело, – проворчал Благуша, отсчитывая бабки. – И так на конягах сколько потерял, да ещё чуть не загнал бедняг...

– А куда ж тебя так несёт, песок в колёса? Не мог следующего рейса подождать?

– Проторчав четверо суток на Станции, оторви и выбрось? Благодарю покорно! Ладно, покажи мне свободное место, присесть охота. Намаялся в дороге.

– Да выбирай любое, мест хватает. – Получив свои бабки и вручив Благуше квадратный листок жёлтого цвета, свидетельствующий об оплате проезда, смотритель махнул рукой куда-то вдоль вагона, да сам и потопал в указанном направлении – в служебную камору, не иначе.

Предоставленный самому себе, Благуша пожал плечами и неторопливо двинулся за смотрителем по коридору, делившему вагон надвое ровно посередке. Справа и слева потянулись четырехместные каморы – нижние места везде были заняты, а верхние, что были свободны, Благушу пока не прельщали, и он шагал дальше. По молодости лет ему ещё не приходилось путешествовать на Махине, но один знакомый торгаш как-то рассказывал, что падать спрост с верхнего места бывает весьма чувствительно и хорошо ещё, ежели отделаешься только ушибом, а то некоторые даже руки и ноги ломали. Вот ежели пустых нижних совсем не окажется, тогда и верхнее сгодится, рассудительно решил Благуша.

После остервенелого воя ветра снаружи в вагоне было тихо, тепло и уютно, здесь шла своя неторопливая жизнь. Где азартно перекидывались в картинки, где трапезничали, завалив столик под окошком разной снедью (в животе сразу засосало от аппетитных запахов), а в одной каморе, занятой семьёй – мужик, баба и двое ребятишек, – папаша занимался образованием своих малолеток, втолковывая им азы денежной системы Универсума:

– Так вот, олухи, бабка – самая мелкая серебряная монета, мельче её уж ничего нет! Шесть бабок образуют дедку, дедка бывает как сборная, так и одной монетой, вот, а после идёт матрёшка – в ней целых девять дедок, или аж пятьдесят четыре бабки. Матрёшка тоже бывает или сборной, или в виде целой монеты, но уже золотой...

«Шесть матрёшек равны одному бочонку, девять бочонков складываются в домину, а выше домины уже ничего не бывает», – невольно закончил про себя наш торгаш, проходя мимо. Но в основном седуны дрыхли без задних ног. Неудивительно – путь был долгим, а выбор способов убить время был невелик, вот народ и старался выспаться, отдохнуть от обычной домашней суеты, раз выпала такая оказия.

Благуше повезло почти в самом конце вагона, когда смотритель уже пропал из коридора, слиняв в свою камору, и слав начал прикидывать, стоит ли осматривать следующий вагон или следует сразу забраться на ближайшую свободную верхнюю полку и задать отчаянного храпака до самого храмовника. Радостное возбуждение, испытанное на площадке грузовоза, давно уже улетучилось вместе с ветром, и усталость с каждым шагом давала себя знать все сильнее и сильнее, так что торгаш еле брёл с трудом переставляя отяжелевшие ноги.

Тут местечко и подвернулось.

Очередная левая камора оказалась занята мангами из мастеровых, похоже упившимися вусмерть с самого начала поездки и теперь мирно похрапывавшими на разные лады на всех четырех полках. На столике промеж ними сиротливо возвышалась пустая трехлитровая бутылка

в окружении четырех чарок, словно дородная матрона с цеплявшимися за юбку сопливыми дитятками, а вокруг громоздились внушающими уважение холмиками рыбы кости и чешуя – все, что осталось от закуси. А вот камора справа была занята только одним седуном – на длинном широком лежаке пристроился, глаза в окно на разнотравную степь, подросток лет десяти – двенадцати в сером плащике, повернув к проходу стриженный русский затылок. И как только таких малых отпускают путешествовать одних, подумал Благуша и вежливо поинтересовался:

– Не помешаю?

Тут он понял, что обозначился. Обернувшийся на его слова подросток оказался миловидной девицей-славкой со странной короткой причёской, тех примерно девичьих лет, о которых говорят – на выданье. Прямо скажем, приятная неожиданность! Зеленые любопытные глаза уставились на торгаша, изящная головка кивнула:

– Так свободно же!

Голосок у неё оказался певучий, приятный, люди с такими голосами сразу располагали Благушу к себе, особенно молодки. Познакомься он с этакой симпатягой где-нибудь на кону, где торгаш находился в своей родной стихии, он бы повёл себя легко и свободно, а тут, в незнакомой обстановке, даже слегка оробел. Впрочем, заметив, видать, его смущение, девица снова отвернулась к окну, давая ему время освоиться. Благодарно кивнув, чего, конечно, хорошенькая незнакомка затылком увидеть не могла, Благуша снял котомку с плеча, поставил её на лежак, плюхнулся рядом и облегчённо привалился спиной к камерной перегородке. Какое же это блаженство – дать наконец отдых телу! Затем, набравшись храбрости, представился:

– Я – Благуша! А тебя как звать, милая девица?

– Минута! – живо повернувшись, словно этого и ждала, улыбнулась в ответ девица. Весело так улыбнулась, приветливо, от чего Благуша невольно тоже расплылся в ответной улыбке. И вдруг с ноткой восхищения в голосе спросила: – А правда, что ты Махину на конягах догонял? От самой Станции?!

Надо же, оказывается, разговор со зрителем был слышен аж в конце вагона! Или у неё очень острый слух! Почувствовав себя польщённым, Благуша неожиданно для себя подмигнул ей и в приливе вдохновения выдал:

– Правда! Три дня скакал и три ночи, все подковы сбил и штанцы протёр, веришь не веришь, менять пришлось, оторви и выбрось, штанцы-то, перед тем как в вагон войти, а то люди бы засмеяли!

Минута мило прыснула в ладошку, прозвенев смехом, словно хрустальным колокольчиком.

– Кстати, не поделишь ли со мной трапезу? – продолжал ковать, пока горячо, Благуша. – Одному как-то неловко, а вдвоём будет веселее.

– С удовольствием! – охотно согласилась Минута. – Я как раз сама собиралась.

Они в четыре руки споро разложили на столе снедь из своих котомок, затем Минута сбегала к зрителю и принесла казённые семигранные бокалы со свежесваренным чаем.

За трапезой и разговорились. У Минуты обнаружилось одно важное качество – она умела слушать, причём слушать очень внимательно, задавая по ходу разговора уточняющие вопросы, показывающие, что проблемы Благуши ей действительно интересны и слушает она не из одной только вежливости, как это часто бывает с незнакомыми людьми, не знающими, как отвязаться от непрошеного говоруна. И как это случается с теми же незнакомыми людьми, Благуша, не таясь, выложил ей про себя абсолютно все. И причину путешествия, и как его кинул друган, и про Милку, которую любит всем сердцем, и про жизнь свою торгашескую, беспокойную, но прибыльную, и как планирует вернуться к Невестину дню вовремя, несмотря на происки Выжиги. В общем, выложил все, что тревожило, что вертелось у него сейчас в голове и не давало покоя, даже до детства добрался, но вовремя спохватился. Несolidно как-то.

Благуша по невыездной своей наивности ещё не был знаком с дорожным синдромом, да и слова такого не знал, – когда рассказываешь понравившемуся тебе попутчику даже то, что не всегда и любимому человеку доверишь. Жизнь на какое-то мгновение соединяет вас, никогда ранее не знавших друг друга, и вряд ли когда вы увидите после, расставшись навсегда. Так чего ж не пожалиться о своих бедах – чужому да незаинтересованному человеку, авось что разумное и посоветует. Время от времени он ловил себя на том, что открыто любит девичей, её тонкой изящной фигуркой, свежим улыбчивым личиком, и сурово одёргивал себя, напоминая, что любит Милку, и никого кроме неё, а поэтому нечего давать волю разным скабрённым мыслям.

О себе Минута лишь вскользь сообщила, что поездка у неё казённая, что служит в столичном Храме Света Простор-домена, куда и нужно было попасть Благуше, да просветила, что попасть туда не так-то просто, как слав рассчитывает, что бабки в данном случае – не самое главное. Впрочем, стоит пользование Порталом тоже недёшево. И ободрила приунывшего было Благушу обещанием посодействовать, есть у неё кое-какие связи в Храме Света, а для хорошего человека (а только хороший человек может так за невесту свою бороться, так её любить) ничего не жалко.

Благуша, конечно, заметил, что Минута старается о себе говорить мало, но приставать с расспросами не стал. Времени было навалом, вот познакомятся чуть ближе, сама расскажет. Тем более к тому моменту, когда все было съедено и выпито, Благуша, и так уже основательно набеседовавшись, от усталости начал клевать носом. Сказывалась не только скачка, но и коварство настойки сонника – известно, что время она отнимает, а отдыха не даёт. В который раз мелькнула была слабая мысль про глоточек бодрячка, и в который раз Благуша благоразумно отнёс её прочь. Смысла не было – ехать долго, другие седуны, кроме собеседницы, его сейчас не интересовали, а в окна тянулась все та же унылая степь. Ничего интересного. Так почему бы и не вздремнуть часиков этак десять?

– Прости ради Смотрящего, оторви и выбрось, – смущённо извинился Благуша перед соседкой. – И рад бы ещё поговорить, очень ты собеседница приятная, но устал, спасу нет. Прилягу я, пожалуй.

– Да что ты, ложись, конечно! – Минута озабоченно всплеснула руками. – Это ты меня извини, заболтала тебя после такой тяжёлой дороги!

– Нет-нет, я сам виноват, – заплетающимся языком попытался возразить Благуша, не заметив, как оказался боком на лежаке. – Распустил язык... как...

Благуша не договорил.

Уснул, как в яму провалился, – и снилось ему всякое.

И про Милку, сладко улыбающуюся ему из окна дома родительского. И про кон, на котором он заключал невероятно выгодные сделки с еграми из горных доменов на оптовые поставки дорогих обсидиановых пляжек с сонником и бодрячком. И про верных коняг, по-прежнему, оказывается, скачущих вслед за Махиной – жалобное ржание измученных животных прямо-таки сердце разрывало. Под конец приснился Выжига, непонятно как оказавшийся в вагоне Благуши. Со зловещим выражением на лице злоклятый друган бродил на цыпочках от каморы к каморе и разливал спящим людям в питьевую посуду, всем подряд, сонник. Добравшись до Благуши, Выжига присел в каморе напротив, достал из-за спины, словно фокусник, расписную балабойку и как-то беззвучно заиграл, насмешливо скалясь во всю харю и распевая явно что-то обидное, отчего Благуше страстно захотелось врезать тому по наглой усатой морде. Но едва он собрался это сделать, как Выжига сгинул, и сон потянулся уже без сновидений, глубокий и спокойный.

Спит Благуша.

Ровно, уютно шелестят под колёсами гладкие рельсы – без единого стыка на все две тысячи вех пути от Станции до Центра, уложенные ещё Неведомыми Предками при Сотворе-

нии Мира, летит по бокам многовагонного состава равнодушная к людским заботам и чаяниям степь, тускнеет Небесное Зерцало, постепенно склоняя день к вечеру.

Измученный перипетиями дороги парень спит, сладко посапывая во сне и не ведая, что ему уготовило коварное будущее...

Глава девятая, где Выжига становится жертвой обыкновенной кочки

Когда дела идут хорошо, что-то должно случиться в самом ближайшем будущем.

Апофегмы

Ну-ка, ну-ка, а почему этот холст закрыт покрывалом от взгляда истинного ценителя живописи, ядрёна вошь, кто посмел?! Эй, любезный, это ты здесь за картинами присматриваешь? Открой-ка мне вот эту, любопытно, что там намалёвано. Ныне у меня кое-что звенит в карманах, авось и куплю...

* * *

...Степь. Снова бескрайняя степь. Степь – словно невиданно огромный ковёр с причудливыми узорами из зелёных метёлок черныбыльника, золотистых головок ковыля да редких голубых чашечек блаватки. Степь – словно бескрайний водный простор, где упруго плещутся под порывами лёгкого ветра травы высотой в четыре ладони – прямо волны океанийские...

Железная Дорога. Железная Дорога от горизонта до горизонта, прочертившая весь домен от одного Бездонья до другого, сквозь почти безлюдный разгул трав да редкие невысокие холмы между густозаселенным центром храмовника и садами-рощами краевых конов Простор-домена, где тоже кипит жизнь. Бегут стальные лезвия рельсов, ослепительно сверкая в дневном свете Небесного Зеркала, так что аж глазам больно. Но от края до края – некому взглянуть, кроме станционных смотрителей да зевак и будущих седунов, ожидающих прибытия Машины на немногочисленных полустанках вдоль всего Пути... Да ещё пасущиеся неподалёку конячие табуны мангов бездумно косят влажными зенками на сверкающую стальную лапшу, а присматривающие за ними семряки мирно спят прямо в седле – чего они в той степи не видали?.. Остальные жители домена заняты своими насущными делами: Богоданные Артефакты, существующие столько же, сколько существует Мир Блуждающих Доменов, Универсум, никого не интересуют. К ним, артефактам, просто привыкают с рождения – так, например, как человек привыкает к собственным рукам...

Артефакты. Богоданные Артефакты, такие, как Станции, Железные Дороги и Машины, предназначенные вечно бегать по этим Дорогам в угоду людям, как опоясавшее каждый домен Бездонье и Раздрай-Мосты, по которым – и только по ним – можно это Бездонье преодолеть, как Световые Храмы шести центральных городов-храмовников, испускающие Лучи живительного Света, и Небесные Зеркала, отражающие и распределяющие этот Свет на каждую из девятимирных Граней Универсума, чтобы не пресеклась большая и малая жизнь, как... Да много чего было оставлено Неведомыми Предками в наследство людям под присмотр неустанного бдительного ока Смотрящего Олдя, Двуликого и Великого...

Лениво дремлющий степной пейзаж вдруг оживляется.

Строфокамил. В поле зрения возникает бешено несущийся строфокамил с упряжным мешком на спине, оберегающим ездока от яростного встречного ветра. Длиннющие голенастые лапы мелькают с такой быстротой, что видно лишь размытую рябь под белооперенным телом птицы кажется, что воздух не успевает сомкнуться, образуя позади куцевого хвоста вихрящийся коридор, – так велика скорость. Остроклювая голова строфокамила слегка пригнута к земле и целеустремлённо вытянута вперёд, взгляд тёмных выпуклых глаз, без единой мысли, целиком сосредоточен на тесно прижавшейся к железнодорожному полотну грунтовой дороге,

используемой редко, в основном для таких вот okazji. Сотню вех в час отмахивает неугоми-мый бегунок, нет никого быстрее его в этом странном мире...

Ездок. Укрытый с головы до ног упряжным мешком, трясущийся лёжа на животе ездок, давно проклявший все на свете от умопомрачительной скачки. Густая вонь собственного пота и пота всех предшественников, прошедших сквозь эту каторгу, пропитавшая тёмное и тесное чрево мешка, не даёт дышать, в лязгающих от толчков зубах зажат кожаный ремень, чтобы сохранить эти самые зубы. Судорожно напряжённые руки захлестнуты специальными кожаными петлями. Нет, не спасает упругое седло-лежак от жуткой тряски. Волнами накатывает дурнота, болит избитое тело, усталость жжёт мышцы. Но ездок терпит – знал, на что шёл, когда выбирал подобное средство передвижения, да и деваться просто некуда... Чего не вытерпишь ради любви. Будь проклят этот пёсий хвост Скалец, предложивший в недобрый час подобное развлечение...

Бежит строфокамил, торопится. Ужин ждёт его лишь по окончании пути, и он это знает, не первый день бегают глупая, но хорошо вымуштрованная птица...

Кочка. Случайная кочка. Обыкновенная кочка, невесть как выжившая на дороге, до сих пор не раскатанная вусмерть колёсами проезжих телег, не растерзанная лапами строфокамилов... А может, это просто конячья лепёха, окаменевшая от времени? Сие неведомо.

Лапа строфокамила чётко входит в соприкосновение с кочкой...

Роща. Небольшая ивовая роща на берегу полузасохшего долголедного озера, расположившегося рядом с грунтовой дорогой, по которой безоглядно несётся строфокамил. Густо теснятся гибкие побеги, расталкивая друг друга, торопятся к живительной влаге, шелестя зелёными, с серебристой изнанкой листочками. Да только нет уже почти водицы, иссяк кусок годового льда, питавшего озеро долгие жаркие монады, и ива разочарованно никнет возле заболоченной лужи...

Треск. Треск разрываемого мешка, не выдержавшего внезапного рывка тела внутри, короткий растерянный вопль – и человеческая фигурка, словно выпущенный из пращи снаряд, врежется головой в ивовые кусты. Плохой все-таки оказался мешок, соврал смотритель-манг, старый хитрозадый сморчок... Споткнувшийся строфокамил тоже кувыркается через голову, тоже слетает с дороги и шумно зарывается в те же кусты – целиком, чуть дальше своего ездока, перья и листья так и летят во все стороны...

Чудо. То самое чудо, в которое, не принято верить, – оба, и человек, и бегунок, остаются живы. Но ежели пустоголовая птица уже ошалело ворочается в изломанных, измочаленных кустах, пытаюсь подняться на упрямо подгибаемых контузией лапах, то ездок лежит неподвижно, очевидно потеряв сознание.

Надолго.

* * *

...А-а, теперь понятно, ядрёна вошь, почему эта картина спрятана под покрывалом – полная бездарность, по-другому не назовёшь. Мазня. Что, любезный? Говоришь, закрыта, потому что уже продана и вот-вот за ней заедут? Большие бабки? Очень большие? Да ладно, не вешай лапшу на уши, я б её и даром не взял... Гм... Куда это её потащили? В запасник, не иначе... нет, прямо к выходу – значит, прямоком на свалку, ядрёна вошь, там ей самое место! Да нет, вон тарантас у крыльца стоит, шикарный, лаком крытый, так и блестит! Прямо в него и грузят... Да осторожнее, елсы вы рогатые, такую красоту спортите! Заноси край повыше! Да не этот, ядрёна вошь, а нижний, да не левый, а правый! От меня правый, бестолочь! Что? Куда это ты меня посылаешь, ядрёна вошь?! На самый Край? Ещё дальше? К Смотрящему?! А вот я тебя сейчас тростью, да по рыжей наглой морде...

Уехали. Только пыль столбом взвилась за тарантасом. Да ну её, эту картину – ничего интересного. Можно было и не утруждаться просмотром.

Глава десятая, вставленная просто потому, что надо было что-то вставить

*Карман желаний всегда туго набит.
Апофегмы*

Когда её неожиданный сосед по каморе заснул на полуслове, Минута этому ничуть не удивилась. И так было понятно, что это вот-вот случится. Хотя, по его словам, он и принял глоток бодрячка, чтобы хватило сил догнать Махину, только обычный сон мог окончательно выгнать из тела отраву сонника. Уж она-то это знала, в Храме таким вещам ещё в ученичестве обучали.

Минута сидела за столиком и, подперев кулачком щеку, задумчиво смотрела на русоволосого парня. Обмякнув на лежаке, слав тихо сопел во сне, никому не мешая. Не то что некоторые – вон в каморе, что за спиной, иной раз такой храп прорывается, что перегородка дрожит. Избавь Смотрящий от таких соседей, хоть и не виноваты они в том. А слав ничего, тихий. Вот только с того момента, как он заснул, в сердце поселилась странная тревога, и девица настойчиво пыталась доискаться до её причин, хмуря тонкие брови. Её храмовый наставник Бова Конструктор не раз ей говаривал, что доверять надобно первым ощущениям, ибо они в большинстве случаев оказываются верными по сути. Минута всегда старалась следовать его советам, и этот принцип ещё ни разу её не подводил.

Пару раз она вставала и выходила в коридор, чтобы пройтись до клоацинника и обратно, делая вид, что вышла размяться. А по пути ненавязчиво поглядывала в каморы, стараясь высмотреть хоть что-нибудь подозрительное в разместившихся там седунах. Но все было как обычно. Народ сплошь ехал тихий и мирный, как и в других поездках, а поездок этих она уже успела сделать немало, несмотря на свою молодость.

Отчего же тогда в груди поселилось это странное, сосущее чувство тревоги?

Минута невольно улыбнулась, когда Благуша задвигался во сне, пытаясь устроиться поудобнее, и слегка стукнулся затылком о перегородку. Поморщился, но глаз не открыл, лишь обиженно, совсем по-детски засопел. Казалось, ещё немного, и он засунет палец в рот, посаывая, как младенец. Какой забавный...

С ним своё непонятное беспокойство Минута не связывала, хотя поначалу его внезапное появление в Махине и заставило её поволноваться. Особенно когда слав начал громко и требовательно стучаться в дверь вагона, мчавшегося с огромной скоростью по степным просторам, словно какой то бандит. Но сам честный и простой вид парня, то, как он нерешительно подошёл к ней, испросив разрешения занять рядом место, вежливо представился, как легко и просто начал рассказывать о себе – все это развеяло её опасения.

Минута страдальчески вздохнула. Парень ей приглянулся, а повод, из-за которого он пустился в путешествие, заставил позавидовать острой женской завистью. За три дня пересечь домен туда и обратно – на такое не каждый решится. Ну и что, что у него не было особого выбора, когда он после коварных происков своего приятеля неожиданно для себя оказался в чужом домене? Другой бы на его месте руки опустил. А Благуша не сдался, решил бороться до конца. Как же это романтично! Достаются же некоторым такие любящие и верные женихи... Хороший парень – голубоглазый, высокий, широкоплечий, одним словом – симпатяга. Правда, обычно ей нравятся более худощавые, но это мелочи. В мужчине главное не внешность, как говорила настоятельница прихрамовой школы, где она воспитывалась в детстве, а надёжность. А надёжность из Благуши так и перла, как лишняя разваренная каша из горшка. И явно неглупый, хотя немного простоват. Но какая улыбка... За такую улыбку, озорную, весёлую, мальчишескую улыбку можно простить все, что угодно. Прямо в груди теплело, как посмотрит на неё с такой улыбкой, и теплело так сладко... Благуша... Имя-то какое красивое – Благуша, такого

она ещё не слыхала. А с каким добродушным юмором рассказывал о своём другане, хотя ведь тот его предал, – словно и зла на него особенного не держал...

Нет, не отвлечься.

Так отчего же так томится сердечко предчувствием близкой беды?

Может быть, все дело в тайном пакете? Кажется, она ещё никогда не возила более важных сведений. Ежели она правильно поняла, то дело касалось самой большой тайны Универсума – Проклятого домена. Таинственность, с какой была обставлена эта командировка, то, с какой предосторожностью ей был вручён этот пакет в веси Утренние Грёзы агентом Бовы – трактирщиком «Левых бабок» Мудрым Фролом, не могли не насторожить, но вроде все прошло благополучно, и никто за ней до Махины не следил; она бы заметила.

Но тревога, не переставая, покусывала внутри ядовитой змейкой. Возможно, опасность ещё была далеко, а не ехала с ней рядом, и Минута просто чувствовала её заранее (раньше такое уже случалось), не даром сам Бова Конструктор так её ценил как курьершу и разведчицу. Только утешением это было слабым. Опасность – всегда опасность, где бы она ни находилась. Что-то должно было случиться, где-то впереди и, несомненно, прямо на её пути. Как же выматывает подобное тревожное ожидание, полное неизвестности, прямо сил нет...

А потом за окном наступила ночь, укрыв непроницаемым чернильным покрывалом бескрайнюю степь. Яркий белый свет, исходивший из маленьких потолочных зеркал вагона, сменился на тусклый жёлтый, едва освещавший проход, и незаметно подкралась звенящая тишина, просовывая мягкие лапы в одну камору за другой и насылая сны. Седуны наконец окончательно уgomонились, прекратив редкие шатания по коридору, все было тихо и спокойно, и тревога в сердце, к радости и облегчению Минуты, начала понемногу стихать.

Только тогда она позволила себе немного подремать, используя специальные упражнения быстрого сна, которым была обучена в Храме Света. И как всегда это бывает в быстром сне, его заполнили различные яркие видения, в одном из которых она вдруг оказалась на свадьбе Благуши в роли его невесты вместо неведомой Милки, и сон этот был таким сладким, что, проснувшись, она долго не хотела засыпать снова, чтобы его не забыть, переживая снова и снова эти чудные мгновения.

А Махина все бежала себе и бежала, без усталости отмахивая веку за векой. Ей, Махине, не было никакого дела до чьих-то личных переживаний.

Глава одиннадцатая, в которой Выжига наконец приходите себя

*Ничего нельзя сказать о глубине лужи пока в неё не попадёшь.
Апофегмы*

Очнулся Выжига от собачьего холода, лёжа на спине. Мало того что, как оказалось, ноги по колено плавали в ледяной водице, так ещё и темень стояла – хоть глаз вы коли. Сообразив, что сие означало. Выжига взвыл с досады. Положить столько усилий на алтарь победы, чтоб вырваться вперёд наверняка, и все напрасно! Пёсий хвост!

Он попытался отползти от водицы. Получалось плохо – ни руки, ни ноги почти не слушались – видать, слишком долго пролежал на стылой земле, все тело и занемело... От неосторожного движения поясницу прострелила такая острая боль, что Выжига взвыл ханыгой, есть такой зверь в степи, редкий, но подлый и опасный хищник.

И словно в ответ оглушительно заревел гудок приближающейся Машины.

Миг – и Стальной Зверь загудел, проносясь мимо по рельсам всего шагах в тридцати. Длинное сегментчатое тело, усыпанное в начале, где шли людские вагоны, светящимися окнами, казалось тяжеловесной тушей невиданной глазастой многоножки. Ещё миг – и нет Машины, унеслась вдаль, прощально посвечивая быстро уменьшающимися огнями задней грузовой платформы.

Выжига выругался по-чёрному, сначала про себя, потом вслух. Вслух звучало куда лучше. Он повторил, с подлинным чувством и расстановками, печатая каждое слово, словно чеканщик полновесные монеты. На душе немного полегчало, а боль из поясницы и вовсе ушла. Зато все остальное тело, после того как сошло онемение, ломило так, словно его всю ночь проклятый камил пинал... Постанывая, охая и замирая, когда особенно свербело – то в боку, то в хребте, то в шее, – Выжига попытался сесть, и с третьей попытки, после исключительно героических усилий, ему это удалось...

Так, прикинул Выжита, мрачно уставившись в непроглядную темень перед собой, ежели его даже Машина обогнала то сколько же он здесь провалялся. Поди, утро уже скоро? Голова соображала плохо, но навыки торгаша помогли и здесь, исходных данных хватало – скорость Машины и час отправления со Станции он знал, так что посчитать что и как для него проблемы не составило. Да, чуть не забыл: нужно же ещё учесть время на остановки в пути, на полустанках... Угу. По всему выходило, что он успел отмахать примерно тысячу двести вех, прежде чем проклятый строф споткнулся. То есть ему оставалось всего восемь часов пути максимум, чтобы прибыть в храмовник, а вместо этого он провалялся эти восемь часов здесь.

В том, что Благуши нет в Махине, он был уверен, а строфокамилов на Станции он самостоятельно усыпил. Так что ежели он сейчас найдёт своего бегунка и оседлает повторно, то есть ещё шанс поспеть к Невестину дню в свой домен...

О том, что камил мог запросто свернуть себе шею, Выжига предпочёл не думать. Слишком далеко он ещё находился от любых весей, где можно было бы найти помощь. Местность кругом тянулась абсолютно ровная и безлюдная. Хочешь не хочешь, а надо было вставать и приниматься за поиски камила.

К сожалению, проще оказалось сказать, чем сделать.

Пока сидел и не двигался, боль вроде притерпелась, а как зашевелился, так все по новой и началось... Кряхтя, ругаясь и испуская душераздирающие стоны, Выжига кое-как поднялся на ноги и снова попытался осмотреться. Голова кружилась, перед глазами время от времени все плыло, а в сапогах мерзко хлюпала водица. Целый букет приятных ощущений.

Ага, кое-что с высоты своего роста он уже смог разглядеть. Прямо перед ним, сразу за невысокими прибрежными кустиками, куда он отполз, плескалось, блестело жидким серебром в свете редких звёзд озерцо, в котором он чуть было не утонул. Небольшое – шагов тридцать в поперечнике, густо заросшее по берегу ивняком и испускавшее лёгкий гнилостный запах, характерный для стоячей водицы. Он поёжился при мысли, что, потеряв сознание, мог бы влететь в озерцо с головой. Выходило, что ему ещё и повезло. Странно, нахмурился Выжиг от нехороших подозрений, а почему это заросли стоят прямо в водице, словно озерцо разлилось недавно? Рука поспешно цапнула за пояс. Так и есть. Туеска с долгольдом не было. Выпал при падении. Вот откуда проклятое озерцо взялось, сам себя, получается, чуть не утопил. Бормоча вслух нехорошие ругательства, Выжиг шагнул к берегу, с трудом наклонился, плеснул жидким холодом в лицо – раз, другой, третий, – пока не почувствовал, что приходит наконец в себя. Затем снова глянул по сторонам. Пёсий хвост, все-таки темновато для поисков... Ну и где этот долбаный камил бродит? Неужели утра ждать придётся? Тут он заметил за кустами какой-то странный свет и, сообразив, что это могло значить, принялся продираться сквозь заросли в этом направлении.

Так и есть, через минуту он выбрался на дорогу, с которой его резко вынесло при падении, а свет шёл от вехового олдя. Двудликий истукан, уставившись каждой парой горящих глаз в противоположные стороны вдоль дороги, без устали светил неугомонным путникам все тёмное время суток. И как раз под олдем Выжиг обнаружил свой кусок долгольда, сочившийся весёлым ручейком талой водицы. Неожиданно для себя взъярившись, торгош схватил ни в чем не повинный лёд и швырнул в сторону озера поверх зарослей, уже зная, что тут же пожалеет об этом. Раздался всплеск, свидетельствующий, что долголед угодил в озеро. Все ещё кипятиком на свою судьбу, Выжиг опять повертел головой, словно надеясь вот так запросто отыскать камила взглядом, и плюнул, ничего не разглядев.

Однако холодновато, ветер так и гуляет...

Выжиг зябко поёжился. Ноги мокрые – плохо. Как бы не простыть. Костёр бы разжечь, погреться, обсушиться. Огниво есть, а где дрова взять? Кругом только сырой ивняк, и ничего больше. Впрочем, огнива тоже нет, в котомке осталось, а котомка где-то с камилом гуляет, к седельному мешку притороченная...

Да уж, незадача. Придётся ждать рассвета как есть. Сидеть и мёрзнуть. А время все равно потерял, парой часов больше, парой меньше – уже никакой разницы, полночь миновала, домены снова сместились, так что к обратному старту в эти сутки он уже в любом случае не успел. Теперь придётся строить расчёт только на следующую полночь. Найдёт камил утром – успеет вернуться к исходу третьего дня, а не найдёт...

Поездка на строфе вспоминалась как долгий непреходящий кошмар, причём кошмар зубодробительный, кошмаром же и закончившийся. Вернее, продолжившийся здесь, в ночи: какие-то кусты, какое-то озеро, редкие звезды над головой, пёсий ветер, пронизывающий насквозь, хлюпанье в сапогах и тяготящая, сосущая ломота в избитом дорогой и падением теле. Выжиг до такой степени натерпелся мучений на спине камила, что даже вздрогнул при мысли о том, что путешествие ведь придётся продолжить, причём тем же способом... Бодрячка бы сейчас глоточек, да не было у него этого спасительного зелья, не сообразил запастись...

Ладно, не стоит вдобавок к скверному самочувствию ещё и голову паршивыми мыслями забивать. Надо просто отдохнуть, набраться сил. Пёсий хвост, как же все тело ломит – словно Махина переехала пару раз туда и обратно...

Выбрав наугад местечко посуше и помягче, Выжиг сел и привалился спиной к кустикам. Затем, стуча зубами от холода, попытался уснуть.

Глава двенадцатая, в которой Благуша просыпается и натывается на бандюков

О человеке можно судить не только по тому, что он делает, но и по тому, чего он не делает.

Апофегмы

– Просыпайся, путешественник, – коснулся слуха Благуши ласковый голос.

Благуша приподнялся на лежаке, сел, протёр глаза, глянул в окно. За окном стоял ясный день. Поморщился – из соседней каморы под забористые звуки балабойки доносился басовитый голос певуна. Причём песенка была исключительно похабной:

...Моя Милка – как бутылка,
Я ж, в натуре, – пузырьрёк,
Наклонись ко мне, поилка, оттяну блатной глоток...

Благуша ожесточённо протёр глаза, прогоняя остатки сна, и глянул на сидевшую напротив попугайчицу.

– Сколько же я спал, оторви и выбрось? Часа два?

Минута как-то странно улыбнулась, а в красивых зелёных глазищах, в которых можно было утонуть, как в озере, заплясали весёлые анчутки.

– Больше. Намного больше. Видимо, здорово устал, а я беспокоить тебя не стала. Ну спит человек и спит...

– Больше? – Благуша на миг прислонил нос к окну, глянув сквозь стекло в небо, – Но, судя по Зерцалу, сейчас все ещё день, а не вечер.

– Конечно, день, – легко согласилась Минута. И уточнила, снисходительно пояснив: – Только следующий. Ты проспал почти сутки. Я и не думала, что бывают такие лежебоки! Ежели б я тебе не разбудила, ты бы и дальше смотрел свои сны.

Открыв рот, Благуша ошеломлённо смотрел на соседку. Сутки? Не может быть! Снова глянул за окно. Там стоял полдень. Ничего себе... И голод просто зверский. Точно, сутки проспал. Даже шишка на голове, полученная при посадке на грузовоз, уменьшилась и почти не болела, что тоже свидетельствовало в пользу заявления Минуты.

– Это все проклятый сонник, оторви и выбрось! – вырвалось у Благуши. – Хорош подарочек оказался!

– Тс-с-с. – Минута поднесла палец к губам, понизив голос до шёпота. – Я вот почему тебя разбудила. Мне твоя помощь понадобится. Слышишь певуна, что на балабойке наябничает? Глянь-ка в коридор, в сторону соседней каморы, что справа, только осторожно.

– А что там? – также шёпотом спросил Благуша, проникнувшись моментом.

– Да ты сам посмотри.

Весьма заинтригованный, Благуша привстал и чуть высунулся в коридор.

В соседней каморе он увидел ражего и рыжего детину в сером армяке, с весьма запоминающейся внешностью – нахальный взгляд, насмешливо кривящийся усатый рот, левая щека от виска до подбородка перетянута жутковато белеющим шрамом. Он-то и пел паскудную песенку про Милку под одобрительный смех собравшихся слушателей из седунов, и хотя в дюжих руках детины балабойка казалась просто игрушечной, получалось у него, надо отдать должное, совсем неплохо. Конечно, не про его именно, Благуши, суженую сложена была песня, но все равно мысли возникали весьма неприятные. Подойти да по рогам треснуть, чтоб воз-

дух не засорял... Да народу вокруг певуна собралось изрядно, могут и заступиться, самому по рогам надавать...

Неожиданно в голове Благуши словно что-то щёлкнуло, и перед глазами словно наяву всплыли рукописные строки: «Ухмыл – “усы узлом”, коренастый, широкоплечий, на левой щеке шрам от виска до подбородка, прилично играет на балабойке...»

– Да это же... – Благуша отпрянул и плюхнулся обратно на лежак, чуть не задохнувшись от неожиданного открытия. Спohватившись, понизил голос до едва слышного шёпота: – Да это же бандюк, оторви и выбрось! Я же его рожу на вантедной доске видал, на Станции. Точно бандюк, ухо на отсечение даю! Среди бела дня уже шастать начали, оторвы этикие...

Минута протянула над столиком руку, и её изящный указательный пальчик, оказавшись на губах Благуши, заставил его умолкнуть. Честно говоря, от подобного прикосновения ему даже стало приятно.

– Значит, так, – сразу посерьёзнев, деловито сказала Минута. – Ты сейчас пройдёшь к вагонному смотрителю и сообщишь ему о бандюках, ежели он ещё не знает...

Благуша дёрнулся, пытаясь что-то сказать, но Минута прижала пальчик крепче и укоризненно покачала головой.

– Не перебивай, вчера ты показался мне человеком воспитанным. Слушай внимательно и запоминай. Тут вся ватага Рыжих с той самой вантедной доски, которую ты видел на Станции, влезли на последнем полустанке. До храмовника осталось всего четыре часа, и Махина будет идти без остановок – полное раздолье для грабежа и бесчинства. Должен же смотритель что-нибудь придумать, например сторожей с грузовозов собрать да повязать этих ватажников. Плохо всем придётся, ежели их не остановить... Как пойдёшь, постарайся не привлекать лишнего внимания, просто иди, как будто за кипятком. Ежели смотрителя не окажется на месте – может, повязали уже, – пройди в следующий вагон... Нет, не то. – Минута досадливо поджала губки, нахмурилась. Затем убрала палец и задумчиво подпёрла обеими руками подбородок, уставив локти в стол. – Вот что – двигай-ка ты сразу к махинисту, предупреди его и оставайся с ним. А я чуть позже приду к вам, вдвоём идти – слишком заметно. Я постучусь так. – И она пробарабанила своим пальчиком по ладони слава условный стук.

Благуша аж залюбовался ею. Строгая Минута выглядела сейчас старше своих лет и в то же время казалась ещё более привлекательной, даже желанной: А глаза... прямо беда зелёная... Спohватившись, он мысленно выругался, снова напомним себе про Милку и испытывая неловкость, словно только что чуть не изменил своей суженой.

– Так, может, сначала ты и пойдёшь? – озаботился Благуша. – А то не ровен час начнётся грабёж, а я уйду...

– Нет, сначала ты. – Минута улыбнулась прежней ласковой улыбкой, от которой у слава против воли потеплело на душе и появилось желание расшибиться в лепёшку, но просьбу её выполнить, даже если это будет стоить ему жизни. – А я за ними пока присмотрю здесь. Да и задержать сумею, ежели за тобой увяжутся, у девиц есть много разных способов, чтобы привлечь внимание мужчин... Да, вот ещё что, – украдкой глянув в сторону соседней каморы напротив, где по-прежнему, укpывшись одеялами с головой, дрыхли манги (рыбий мусор со столика был уже убран, а бутыль аккуратно поставлена на пол – в отличие от слава манги уже просыпались), она расстегнула свой шерстяной плащик и достала оттуда плотный квадратный свёрток величиной с ладонь. Затем низко пригнулась, нажала на какую-то планку понизу лежака, и удивлённый слав увидел, как там открылось потайное отверстие размером чуть шире свёртка. Минута ловко опустила пакет в тайник и тут же его закрыла. Снова скамья стала обычной – если бы Благуша не видел собственными глазами, в жизни бы о тайнике не догадался. Чудеса, да и только!

– Так вот, ежели вдруг со мной что-то случится, – выпрямившись, продолжала как ни в чем не бывало Минута, – найди Бову Конструктора в Храме Света и передай ему, что здесь, в тайнике, я спрятала пакет. Это очень важно, запомни. А уж Бова тебя вознаградит щедро.

– Да что может случиться? – запальчивым шёпотом возразил Благуша. – Ну бандюки, ну и что – не душегубы же...

Но Минута сурово покачала головой, отменяя его возражения, и повторила:

– Все может случиться, но этот пакет не должен попасть в руки бандюков. А теперь иди, время дорого.

Благуша нерешительно поднялся. Как-то неправильно казалось ему оставлять эту милую девицу здесь, в такой опасности.

– Не беспокойся обо мне. – Минута ободряюще улыбнулась. – Я сумею о себе позаботиться.

Слав безотчётно потянулся за котомкой, но, спохватившись, отдернул руку. Если он будет разгуливать по вагону с вещами, то точно вызовет подозрения. Да и не было в котомке ничего ценного, о чем стоило бы жалеть, – так, чуток снеди и туесок с долгольдом. Поколебавшись, туесок он все же забрал и сунул за пазуху, невольно чуть покраснев под внимательным и понижающим взглядом попутчицы, хотя ничего предосудительного не совершил. Затем, громко зевнув и уже не таясь, произнёс обычным голосом фразу, рассчитанную на окружающих:

– Ну схожу узнаю насчёт кипяточку. Приготовь пока бокалы, я скоро.

Несмотря на мандраж, охвативший слава от очередного неожиданного приключения, принятую роль он постарался сыграть добросовестно. Двинувшись по проходу в сторону каморы смотрителя, он шагал неторопливо, с деланно скучающим видом, не особо глаза по сторонам, но в то же время стараясь увидеть как можно больше. Так и прошёл мимо веселящейся компании с Ухмылом во главе, кого-то задев, кого-то потеснив и бросив в ответ на недовольные взгляды пару раз «извини, браток» – и небрежно, и одновременно достаточно учтиво. Добравшись до служебной каморы, слав постучал в дверцу. Немного постоял, дожидаясь ответа, но по ту сторону было тихо. После попытки открыть выяснилось, что дверца заперта. Пожав плечами, он с прежним равнодушным видом толкнул другую дверцу, торцевую, намереваясь проследовать в следующий вагон, но здесь его поджидал неприятный сюрприз. По просторному помещению тамбура гулял буйный ветер, а возле распахнутой против всяких правил боковой дверцы вагона, на наружном крыльчке, прямо над стремительно летевшим под колёса рельсом, стоял, ухватившись за боковые поручни, второй бандюк из Рыжих. Стоял и старательно делал вид, что вышел подышать свежим воздухом, а буйный ветер, вдрызг растрепавший ему усы и шевелюру, для него вроде лечебных процедур.

Благуша вздрогнул и моментально взопреп, лихорадочно пытаясь сообразить, кого увидел на этот раз. И быстро опустил взгляд, когда мужик, нехотя обернувшись, вскользь глянул в его сторону. На стрёме стоит, сообразил Благуша и, засуетившись чуть больше, чем следовало, толкнул следующую дверцу с вполне понятным желанием скрыться от глаз бандюка как можно быстрее – от греха подальше.

Пронесло. Бандюк, а кажется, это был Буян («пся крев», рост средний, телосложение среднее, обладает бешеным нравом), ничего не заподозрил.

Оказавшись в вагоне, Благуша обнаружил, что здесь камора смотрителя распахнута настежь и из неё слышится шум нескольких голосов. Слав осторожно заглянул. Среди стоявшего коромыслом махорочного дыма, рассевшись вокруг пристеночного столика, четверо увлечённо резались в картинки. На самом столике громоздилась изрядная куча бабок, в коей намётанный глаз торговца определил ни много ни мало сумму аж в два бочонка – отчего слав изумлённо раскрыл рот. Причём двое из игравших оказались в форме смотрителей (в одном он узнал манга, что впускал его в людской вагон вчера, второй же оказался чернокожим, приземистым и блондинистым егром), а двое других, в серых армяках, – бандюками. Благуша

прямо обомлел. Один из представших перед глазами явно был ватаманом Рыжих – Хитруном («кровь из носу», огромный рост, жуткая сила, владеет всеми видами холодного оружия) – и вправду исключительно здоровенный мосластый дядька, с усищами, как на вантедном рисунке, шире широченных плеч. Своей необъятной тушей ватаман занимал места гораздо больше, чем остальные трое. Второй же бандюк, по всей видимости, был Жила («усохни корень», худощавый, виртуозно управляется с арканом). А может, и Пивень («плисовые штанцы», худой, жилистый, голос необычайно басистый). Приметы обоих бандюков подходили к гибкому худому типу, резавшемуся в картинку в паре с ватаманом, постреливая на зрителей ехидными чёрными глазками.

Худой его первым и заметил. Задержав в руке картинку, уже готовую было упасть на кучу «битых», бандюк окинул его недовольным взглядом и неприветливо спросил:

– Чего тебе, усохни корень?

«Жила!» – мгновенно определил Благуша, потя от испуга как хрюндель на зеркалопек.

Тут и остальные повернули к нему лица. Смотрители нахмурились (как же, прервал игру, как всегда, на самом интересном месте), ватаман же глянул пристально, изучающе, шевельнув гигантскими усищами, как невиданно огромный таракан.

– Да вот, кипяточку хотел, – не совладав с собой, проблеял Благуша дрожащим голосом, уже сообразив, что смотрители с бандюками крепко забрались, раз двигают без страха такими ставками.

– Позже, песок в колёса, – ответил смотритель-манг, явно его узнав. – Любишь ты коняг гнать, слав, все куда-то торопишься. Водича в котле ещё не закипела, обожди с полчаса.

– Нет проблем. – Благуша с готовностью кивнул головой и отступил, желая немедленно сгинуть с этого места, пока ватаман не провертел своими злыми глазками в нем Дырку. – Зайду позже, оторви и выбрось!

И обмирая сердцем, двинулся прочь.

– Эй, куда ты? – донёсся голос смотрителя. – Тебе же в другую сторону, песок в колёса!

– Да я это... приятель тут у меня должен ехать, пойду проведу. А после и за чайком, на обратном пути...

– А-а...

Фу-ух, выкрутился!

«Молодец, слав», – похвалил себя Благуша, нервно стискивая зубы и ускоряя шаг. А то открутили бы башку, как пить дать, особенно этот, ватаман, оторви и выбрось... Как усищами-то шевелил своими рыжими да глазом чёрным зыркал, словно тараканище перед завтраком... А смотрители ну мерзавцы. В картинку ведь как со своими старыми приятелями режутся... Да ежели он из-за бандюков своих бабок лишится, без которых добраться домой попросту невозможно, тем более добраться вовремя, то можно сразу головой под Махину. Без Милки ему и жизнь не мила. Впрочем, грабить все едино всех будут.

Как ни странно, эта мысль Благушу почему-то немного успокоила.

Все, смотрителей можно в расчёт не брать, они с бандюками заодно. Одна надежда – на махиниста, в честность коего Благуша верил слепо и свято, а почему – и сам толком сказать бы не смог. Может, просто уважал человека, разговаривающего с таким чудом, как Махина, на «ты»?

Отгоняя неприятные мысли и не забывая внимательно по сторонам (где же пятый бандюк, Пивень? – грызло беспокойство), Благуша быстро прошёл в конец вагона, снова миновал тамбур, уже без приключений, а затем вступил в последний вагон перед Махиной – каморный, предназначенный для самых богатеньких.

Глава тринадцатая, отсутствующая по причине несчастливой нумерации

Благами намерениями вымощена дорога в ад?
Апофегмы

Глава четырнадцатая, где на Выжигу продолжают сваливаться непрошеные беды

Не бывает так плохо, чтобы не могло быть ещё хуже.
Апофегмы

– Цып-цып-цып... Иди сюда, хороший, зёрна дам... А, паскуда! Поймаю, ноги твои голенастые повывёртываю!

Выжига в сердцах плюнул в строфокамила. Естественно, не попал. Хитрая bestия отбежала ещё дальше. Подвернулся бы какой камень под руку – запустил бы, честное слово. Да где тут камням быть, степь кругом гольная да перекатная, не считая этой рощицы приозёрной...

Он пытался поймать строфокамила уже битый час или около того – наручная клепсидра при падении разбилась вдребезги, и проклятая ящерица попросту сбежала в озеро, ещё бы, там ей куда вольготнее будет, чем в стеклянной тюрьме. Уж и утренний туман успел сойти-растаять, и Небесное Зерцало засветило ясно, по-дневному, согрев озябшее за ночь тело, а бегунок все не давался ему в руки. Выжига уже устал ругаться, от злости все свои усы поиздергал. И строфа, и строфника по сто раз проклинал... А как заливал, перхун старый! Что камил приучен не убегать от наездника ни при каких обстоятельствах, что всегда будет рядом, и ежели он, Выжига, захочет размяться в пути, то может слезть с него без опаски... Оно и видно, пёсий хвост, что не убегает. Конечно, не убегает. Просто кругами бежит. Издевается, куриц недоклеванный. Видок его, Выжиги, что ли, не нравится? Понятно, при таком падении весь потрёпанный и взъерошенный, в нескольких местах одежда ключьями висит, ну и что с того?

– Какое тебе дело, птица, до моего вида – устало пробормотал Выжига. – Твоё дело меня везти!

– Кря? – Камил остановился шагах в десяти и, повернув голову боком, вопросительно уставился на человека тёмным блестящим глазом.

– Я тебе сейчас дам «кря», – пообещал Выжига угрюмо. – Я тебе сейчас такое «кря» дам, что всем «крякам кря» будет, на всю жизнь запомнишь, пёсий хвост!

– Кря? – переспросил камил и на всякий случай отбежал ещё на несколько шагов. Нет, ну точно издевается.

Выжига медленно пошёл следом, стараясь не делать резких движений, чтобы лишний раз не пугать бестолковую птицу. Маршрут уже был изучен до мелочей, все кочки, кусты и ямки ноги знали наизусть. Строфокамил упрямо бегал кругами вокруг опоясавших озеро зарослей ивняка, словно ему мёдом тут было намазано. Впрочем, пусть лучше так бежит, чем по степи. Здесь хоть водица рядом...

– Цып-цып-цып, иди сюда, птичка. – Незадачливый торгош снова попытался взять птицу лаской и пошёл вперёд, вытянув руку щепотью, словно перебирал зерно. Но поневоле начал повышать голос, и ласка перешла в злость. – Иди, иди ко мне, дура, я тебя накормлю, к седлу мешок с зерном приторочен, пока не подойдёшь, голодной будешь ходить, паскуда длинноногая!

Камил снова отбежал, не спуская с него подозрительного взгляда.

– И я тоже буду голодным, – остановившись, пробормотал Выжига себе под нос, мрачно глядя на белоперого мучителя. – Вся жратва в котомке. Цып-цып-цып-цып...

Строф почесал клювом спину, помахал недоразвитыми крылышками, разминаясь, искал что-то в траве, демонстративно делая вид, что кроме него тут на всю степь более никого нет.

Зерцало начало припекать. Выжига расстегнул измятый ночными приключениями армяк до низу, распахнул, вздохнул полной грудью. Вот так-то лучше, ветерок снова показался освежающим. Может, пойти выловить свой кусок долгольда из озера, а птица пусть пока успоко-

ится? Да как это сделать? Раздеваться же придётся, в водицу лезть. Ледяную. Брр-р... Пёс с ним, с этим льдом. Напиться и так можно, прямо с берега... Лучше птицу поймать.

От мысли, что снова придётся лезть в мешок, его просто замутило. Нет, внезапно решил Выжига, обойдусь без мешка. Голову замотаю, ремнями привяжусь да прижмусь к седлу покрепче. Не получится – мешок никуда не денется, а так, глядишь, и полегче будет... Да и ремонтировать дыру нечем, иглу и дратву с собой не захватил, не сапожник все ж таки.

Выжига с ненавистью глянул на бегунка.

– Цып-цып-цып...

Строфокабил гордо задрал к небу клюв и неспешно, важно вышагивая голенастыми лапами, отошёл вдоль зарослей, неукоснительно соблюдая выбранный раз и навсегда маршрут. Отошёл с таким видом, словно Выжига оскорбил его в лучших чувствах. Вот гад, сколько же унижаться можно, бегать тут за ним, тропинку уже протоптали вдвоём... Не выдержав мучений, Выжига даже взвыл от злости, потрясая сжатыми кулаками:

– Дубина долговязая! Вымахал вдвое выше меня ростом, а мозгов ни капли! Чтоб тебя хищники сожрали, душу мою потешили! Что тебя...

Где-то сзади послышалось приглушённое рычание.

Выжига подскочил как ужаленный и замер, насторожённо осматриваясь.

Степь. Трава по колено. Справа – железная дорога, слева – приозёрные заросли. Где? Что? Взгляд лихорадочно шарил вокруг. Послышалось? Лучше бы уж послышалось, после такой ночи и не такое померещиться может...

И тут он увидел, тихо ойкнув и застыв столбом.

Из высокой степной травы, шагах в тридцати, торчали чёрные уши и спина какого-то зверя. И глаза. Светящиеся красными углями звериные глаза внимательно рассматривали Выжигу, явно прикидывая, съедобен он или нет. В ясный день торгоша проморозило сильнее, чем на холоде вечной зимы снежных доменов, обиталища нанков.

Неужто ханыга? Степной хищник, редкий, но свирепый – страсть. Накликал на свою голову, пёсий хвост! Пока сидишь верхом на камиле, бояться его нечего, но сейчас-то бегунок сотрудничать не желал, оставив его практически беззащитным!

Выжига метнулся к зарослям, высматривая на бегу самую толстую иву, какая окажется поблизости, и, отыскав подходящую, моментально взлетел чуть ли не на макушку. Ива опасно затрещала, прогибаясь, но выдержала его вес. Он глянул вниз и зябко вздрогнул.

Степной ханыга уже сидел под ним, у подножия ивы. Задрав кверху морду и оскалив усыпанную белыми клыками пасть, зверь взыскующе смотрел ему прямо в глаза. Роста он был небольшого, человеку по бедра, но сила его была известна. Поджарое мускулистое тело в прыжке способно было свалить лошадь.

Из горла зверя снова вырвалось глухое рычание, длинный раздвоенный язык высунулся из пасти, коснулся влажных чёрных губ, прошёлся по клыкам и спрятался обратно. Голодный, падаль этакая, даже не скрывает...

Три шага, разделявшие их в высоту, сразу показали Выжиге расстоянием недостаточным. Лицо его перекопилось от страха, и он поспешно поджал ноги. Лезть выше было уже невозможно, дальше шли только тонкие ветки, которые не выдержали бы и ребёнка.

Ну что за напасть такая? Хоть плачь! Сначала строф споткнулся, затем чуть в озере не утонул, потом дурная птица решила в догонялки поиграть, а теперь вот, пожалуйста – стоит сорваться вниз и... И конец тревогам и мучениям. Он снова вспомнил все ругательства, какие только знал в жизни. Что же придумать, пёсий хвост? Как отогнать зверя? Ведь по своей воле не уйдёт...

– Кря?

От неожиданности слав чуть не сорвался с макушки. Проклятые нервы... Так и есть строф решил подойти поближе. Из любопытства. Или из вредности. Или по глупости своей птичьей, что вернее всего.

– Клов тебе в глотку! – заорал Выжиг во весь голос, не столько пытаясь напугать бегунка, сколько от собственного испуга.

– Кря? – явно прислушиваясь, переспросил камил.

– Тебе, тебе, дудак бескрылый! – надрывался в крике Выжиг. – И лапу в задницу по самое не хочу! Проваливай отсюда, ему за тобой не угнаться! Ну беги же, дубина, пока перья не растерял!

Тут Выжиг заметил, как хищник повернул голову и красные уголья глаз вспыхнули ярче при виде аппетитной тушки, каковой, к своему несчастью, обладал строф. Камил тоже его наконец заметил и застыл как вкопанный. То ли парализованный от птичьего ужаса, то ли просто не понимая исходящей от ханыги угрозы.

– Беги...

Поперхнувшись, Выжиг умолк.

Ханыга неторопливо затрусил к строфокамилу, явно не сомневаясь в своём успехе. А строф как стоял, так и остался стоять. Даже ни разу не крякнул.

– Конец тебе, птичья душа, – обречённо прошептал Выжиг. – И мне конец тоже. Большой такой конец... На двоих.

Глава пятнадцатая, в которой Благуща старается сделать доброе дело

У страха глаза велики, но ноги ещё быстрее.
Апофегмы

А неплох вагончик-то, подумал слав, присматриваясь на ходу к внутренней отделке камерного. Выстланный красной ковровой дорожкой по всей длине коридор шёл по центру вагона, как и в общих, разделяя его на две равные продольные половинки. Но здесь по обе стороны от Благущи тянулись вереницы дверей, прорезанных в гладком, полированном дереве стен, для каждой каморы – свой вход. Да ещё в каждой дверце на уровне лица имелось прикрытое изнутри шторочками-занавесочками смотровое окошко размером ладони две на две, предназначенное для обозрева посетителей. В коридоре не было ни души, тишина стояла ватная, оттеняемая только шелестом бегущих под вагоном колёс; то ли и тут все седуны дрыхли напропалую, то ли ещё какими тихими делами занимались, но слышно их не было. И чисто, ну прямо как в доме родном. Это тебе не замусоренный, заплёванный пол в общих вагонах. Шикарно жить не запретишь!

А ведь мог бы он и в каморном поехать, прикинул Благуща, бабок вполне хватало. Даже Минуту мог бы пригласить... Славно бы уединились, оторви и выбрось... Только дорога ещё длинная, и думать надо о завтрашнем дне. Ничего, перебьётся. Да и кто такая ему эта Минута? Конечно, девица симпатичная, вежливая, улыбочивая – славная, одним словом. Но и только. Его же – Милка ждёт. А формы у Милки куда приятней и на взгляд, и на ощупь будут, чего только грудь да бедра стоят, эх, оторви и выбрось, быстрее бы вернуться да облапить милую! В жизни большего удовольствия не получал! А у «славной» Минуты – кожа да кости, поди, под храмовым плащиком, и росточком не вышла, всего-то ему по подбородок будет. Минута и есть.

Благуща распахнул дверь в конце вагона, насторожённо выглянул в тамбур. А вдруг недостающий Пивень здесь? Но нет, пусто, лишь в окнах бесшумно стелется степь, кланяясь травами на ветру, да изредка мелькают веховые олди. А тамбур-то здесь куда просторнее, чем прежние, обратил внимание Благуща, меряя его шагами, – десять шагов в длину! Понятное дело, для махиниста – все условия!

Остановившись перед дверью, ведущей уже в нутро самой Махины, он занёс было кулак, чтобы постучать, но сразу не решился, так и замер с поднятой рукой, испытывая чуть ли не священный трепет перед махинистом. Это ж какой талантище нужно иметь, чтобы управлять такой сложной штукой, как Махина!

Но время не ждало. Кто знает, что сейчас делают бандюки в вагонах? Может, уже грабят неповинных седунов? Может, уже ищут его, Благущу? Может, вот прямо сейчас сзади откроется дверь и...

Благуща вздрогнул и, затаив дыхание, напряжённо прислушался. Послышалось? Шаги? Да нет, и впрямь слышалось... Вот же разыгралось проклятое воображение, оторви и выбрось, аж в пот бросило!

Благуща торопливо смахнул проступившую на лбу испарину рукавом армяка. Затем, собравшись с духом и заранее приготовившись, ежели надобно, терпеливо ждать, осторожно постучал в дверь костяшками пальцев. Но едва рука успела коснуться стальной поверхности, как дверь распахнулась во всю ширь, словно только стука Благущи и ждала, и... рослый и дородный Благуща тоненько ойкнул, чувствуя, как сердце от внезапного страха ухнуло в самые пятки, а потом и ещё ниже, проваливаясь сквозь каблучки и шлёпаясь прямо под колёса Махины.

Высунувшись из дверного проёма, над его головой нависла жуткая харя. Чуть ли не с потолка. Харя была красной, у неё имелись маленькие чёрные глазки, казалось просверливающие тебя насквозь, из-под напоминающего переспелую сливу и формой, и цветом носа выбежали, ложась на плечи и даже свисая с них, рыжие усищи толщиной никак не менее ладони, а по верху хари во все стороны торчали растрёпанные и рыжие же патлы. Благуша обнаружил, что ему пришлось чуть ли не до отказа повернуть голову слева направо, чтобы окинуть взглядом затянутые до треска в чёрную шёлковую рубаху плечи едва поместившегося в коридоре великана.

Не успел слав опомниться и пуститься наутёк, как бандюк сцапал его за грудки и одним мощным рывком втащил в махинное отделение, попутно ударом ножищи с грохотом захлопнув за собой стальную дверь.

– Ну наконец-то хоть один дудак сообразил в гости зайти! – Бандюк радостно оскалил жёлтые зубы, дохнув на слава таким жутким сивушным перегаром, что, окажись в столь несчастный для себя миг здесь птица, сверзнулась бы вниз на лету. – Ну проходи, проходи!

– Да я это... да я не то... да я как-то... мимо тут... – невразумительно забормотал слав, чувствуя себя в руках великана, как беспомощная игрушка чувствует себя в руках злого ребёнка, собравшегося пооткручивать этой игрушке все, что болтается.

– Да заходи, чудик, пар те в задницу! Я ж тут от скуки скоро или совсем стуманюсь, или сопьюсь без собутыльника напрочь! Золушок-то мой, помощничек хренов, заболел, пришлось ходку в одиночку делать!

И без дальнейших уговоров рыжий здоровяк так же бесцеремонно подтащил Благушу к обнаружившемуся в двух шагах металлическому столику под смотровым окном, с парой табуреток по бокам. Да с размаху и усадил на одну из них. Силой детина обладал столь мощной, всесокрушающе первобытной, что противиться ему не было никакой возможности. Благуша и не противился, лишь слабо трепыхался.

Рухнув на соседний табурет, жалобно и пронзительно застонавший под массивной тушей, бандюк протянул Благуше широченную лапу, смахивающую размером и видом скорее на лопату, чем на человеческую пятерню, и заявил:

– Давай знакомиться, я – Ухарь, махинист, а тебя как звать-величать, пар те в задницу?

– Махинист? – слабо пискнул Благуша. Затем прокашлялся и уже нормальным голосом повторил: – Махинист?! – И с жаром пожал огромную лапу сразу двумя руками, – Оторви и выбрось, а я уж тебя за бандюка принял!

– Это ещё почему? – грозно насупил брови Ухарь.

– Да я к тебе шёл, чтобы предупредить, – торопливо заговорил слав, не желая затрагивать щекотливую тему, – в общих вагонах ватага Рыжих объявилась! Соседка сказала, что на предпоследней остановке влезли, когда я спал, а как проснулся – они уже тут, песни во все горло дерут, под балабойку...

Объясняя Ухарю, что к чему, попутно Благуша с любопытством вертел головой, осматривая внутреннее помещение Машины, так называемой махинерии, куда довелось попасть впервые в жизни. Кабина оказалась весьма просторной, шагов десять в длину, не меньше, да шагов шесть в ширину. В задней стенке, рядом с тамбурным выходом, прорисовывались дверцы встроенного шкафа-запасника и клоацинника, который можно было опознать по характерной табличке, изображавшей тучку, пролившуюся дождём. Рядом – просторный лежак, чтоб, значит, махинист мог в пути отдохнуть. Посередке, как свеча, торчал здоровенный, в два обхвата, железный бочонок парового котла с навешанными на поверхность различными приспособами для обслуживания. Котёл шумно гудел топкой и попыхивая паром из щелей отводящих труб, уходивших куда-то в потолок. Ну а впереди, как раз под окнами – огромным, во всю ширь махинерии, лобовым и двумя поменьше – боковыми, – располагался вогнутый щит, навороченный куда как круче котла. От всевозможных циферблатов со стрелками, рычажков, колё-

сиков, рядов подсвеченных изнутри разным цветом квадратных окошек и просто загадочных выступов аж рябило в глазах! Напротив всей этой разноколесицы из пола торчало вместительное мягкое кресло для самого махиниста, на чем, собственно, осмотр махинерии можно было и закончить. Ах да, ещё была боковая дверь, как раз напротив кресла, сейчас наглухо запертая, куда махинист заходил со Станции перед началом рейса и куда, само собой, выходил по его окончании. Переться через вагоны, чтобы воспользоваться выходом для седунов, конечно же, было не с руки, да и не по положению...

– Песни – это хорошо-о, – задумчиво протянул Ухарь, выдёргивая пробку из неизвестно откуда появившейся в его руках трехлитровой бутылки. – Люблю я песни, пар им в задницу. Сюда их пригласить, что ли?

– Кого? – не понял Благуша, все ещё находясь под впечатлением осмотра кабины.

– Да Рыжих, всю их ватагу с ватаманом в придачу, – так же задумчиво пояснил махинист, подвигая к нему уже наполненную оловянную чарку, тоже возникшую словно из воздуха. – Места вроде на всех хватит, а сивухи у меня тут на два рейса припасено.

– Слушай, а ты правда... не бандюк? – робко поинтересовался Благуша, шокированный таким предложением.

– Не-е, я махинист, – ухмыльнулся Ухарь. – Да это я так, шуткую. Попадись мне Рыжие здесь под руку, я б их, как кошар, своими руками передавил, а там, среди седунов, неувязочка может возникнуть, пострадает ещё кто.

Глядя на громадные лапы Ухаря, сразу верилось, что бандюков он может передавить именно как кошар.

– А ты не ошибся? – Чёрные глазки махиниста строго уставились Благуше в переносицу. – Точно бандюков видал?

– Не... – Благуша запнулся, нахмурился, припоминая рожи бандюков, и решительно отверг подобное предположение. – Нет, не ошибся. Вся ватага в сборе, я их с вантедной доски на Станции запомнил и имена все тоже.

– Жила, Буян, Ухмыл, Пивень и ватаман Хитрун? – легко перечислил махинист, поднимая свою чарку. – Точно! Ты тоже видал? – Благуша подхватил свою, и они чокнулись. – За знакомство!

От первого же глотка слав надсадно закашлялся, поспешно поставив чарку на стол. Брага скользнула по пищеводу огненным драконом, ударила в голову, да так, что Благуша едва с табурета не сковырнулся. Из чего ж такую ядрёную отраву можно получить, оторви и выбрось? Прямо из огня, что ли? Он ощутил, как стремительно косеет.

– Что это ты... мне налил... оторви и выбрось?

– Ну зачем же такое добро выбрасывать, пар те в задницу! – возразил Ухарь. И гордо добавил: – Это окоселовка, моего собственного изготовления. А бандюками, браток слав, голову не забивай, есть у меня на их счёт одна задумка. Давно продумывал такой случай, хотел проверить, что получится.

– Ну и рожи у них мерзкие, – заплетающимся языком пробормотал Благуша, уже ощущая себя рядом с таким богатырём, как Ухарь, в полной безопасности. – Я как взглянул – сразу понял, что лихие людишки...

– Твоя правда, – согласился махинист, доливая чарки, казавшиеся на фоне его лапищ просто напёрстками. – Особенно у моего братца, Хитруна. Всем харям харя, пар ему в задницу.

Благуша моментально протрезвел. Отдёрнул руку от чарки, слегка отстранился от стола, выпрямился:

– Братца? Хитрун твой брат?

– Ага. Двоюродный. В семье не без урода, верно, брат слав? Так выпьем же за уродов, которые нам со скуки помереть не дают! – И Ухарь хлопнул свою чарку до дна одним глотком, даже не поморщившись.

– И... что делать будем? – поинтересовался Благуща, больше не притрагиваясь к сивухе. В безопасности рядом с Ухарем он себя больше не ощущал. Сродственные связи, оторви и выбрось, на дороге не валяются. На словах говорится одно, а подразумевается, как обычно, совсем другое. Может, и махинист с бандюками в сговоре? Проклятие, спохватился он мысленно, он тут сидит, а Минута там одна-одинёшенька за бандюками присматривает! Как бы не обидели они её, вражьи души...

– Вот что мы сделаем, – хитро шурясь, проговорил между тем Ухарь.

И изложил свой план. И сразу стало ясно, что махинист свой парень! В доску, оторви и выбрось!

Глава шестнадцатая, где Выжига все-таки продолжает путь

Голод – лучшая приправа к пище.
Апофегмы

Над степью нёсся тоскливый вой. На два голоса. Человеческий и звериный.

Слаженно выводили солисты невольного дуэта, переливчато – чувствовалось, что времени даром не теряли и спелись неплохо.

Отчего выводил горлом затейливые трели зверь, Выжига не знал, но его душа страдала от безысходности. Так вляпаться в череду совершенно дудачких, непредсказуемых, безумных обстоятельств – это ведь надо суметь! Сначала с бегунком – чудо, что шею не сломал, зато чуть в озере не утоп, которое своим же долгольдом и наполнил, а тут ещё эта оказия с ханыгой, так не вовремя подвернувшимся под руку...

Ишь, заливаётся, мерзавец. Выжига прекратил выть и затравленно глянул сквозь ветки вниз, на вольно разлёгшегося в траве зверя. И не поймёшь, кто над кем издевается, он над зверем, как лично хотелось бы думать Выжиге, или зверь над ним.

И так ему стало тошно в этот миг, что злость вспыхнула в душе словно охапка сухого хвороста, подброшенного в весёлый, трескучий костёр. Злость совершенно бессильная, ведь поделаться с ханыгой он ничего не мог, и потому особенно выматывающая. Выжига аж заскрипел зубами, представив, как ржал бы над ним Благуша, узрев его на этой дудачкой иве. И с силой дёрнул себя за ус, прогоняя боль душевную болью телесной. Ежели и дальше так пойдёт, то скоро быть ему без усов...

Почти тут же умолк и ханыга. Поднял голову, сверкнул красными углями глаз, вильнул чёрным мохнатым хвостом. Вдвоём ему выть, видите ли, было интереснее.

Самое подлое, что ведь камила зверь не тронул. Едва птица вышла из ступора и рванула прочь, да так, что только её и видели, как ханыга сразу потерял к ней интерес. Неспешно так вернулся и преспокойно разлёгся возле дерева, пока ещё спасавшего Выжиге жизнь. Человечинка хищнику, похоже, привлекательнее показалась. Ещё бы, кроме рук и ног, явно не годившихся в драке против матёрого зверя, Выжиге защищаться было нечем, а у бегунка такая силища в когтистых лапах, что и ханыге не поздоровится, ежели решит напасть на птицу. И бегают камил быстро, куда быстрее, чем он, Выжига, так зачем за камилом гоняться, ежели более удобная добыча беспомощно висит на дереве? И надо лишь подождать, когда она, обесилев, свалится вниз, прямо в острые зубы?

От нарисованной собственным воображением картины Выжигу передёрнуло. Он в который раз выругался и угрюмо нахохлился на своём насесте, решив хоть какое-то время вниз, на своего потенциального палача не смотреть. Много чести, пёсий хвост! Повыли вместе, и будет!

Откуда-то из-за озера послышался неспешный конячий топот.

Выжига встрепнулся. Никак помощь прибыла? Вдруг у всадника управа на степняка найдётся? Крикнуть, что ли, предупредить? А вдруг испугается и удерёт? А может, просто одинокий коняга ковыляет? Крикнешь, так спугнёшь, лучше уж зверь на него пусть отвлечётся...

Пока Выжига решал про себя сложную этическую проблему, из-за приозёрных зарослей вынырнула голова коняги (с удилом в зубах и поводьями!), а за ней показался и сам всадник – какой-то тщедушный манг. Выжига уже открыл было рот, чтобы все-таки крикнуть про хищника, как встретившийся с ним взглядом всадник сам удивлённо воскликнул.

– Выжига, никак ты, аркан те за пятку? Вот так встреча! А что ты там делаешь? – Манг глянул вниз и сразу смекнул: – Да ты никак от пса моего хоронишься? Так он же людей не

трогает! То пёс мой табунный, сторож, Васьком кличут! А я-то думаю, куда он пропал, работу свою забросил, лентяй этакий!

Челюсть у торгаша так и отвисла. Вот тебе и на... Он-то эту зверюгу битых два часа принимал за ханыгу – опаснейшего степного хищника.

«Гроза степей» тем временем подскочила к ряболицему мангу, в коем Выжиге уже признал лошаdnика Дзюбу, недавно торговавшегося с ним на кону, и дружелюбно завияляла хвостом, преданно глядя на хозяина. Растерянности слава не было границ. От стыда в пору было сгореть, а тут ещё ива эта дудацкая, на которой он сидел, как хрен на насесте.

Выжиге осыпался с ивы, как перезрелый плод. Встал, отряхнулся, пытаясь важно надуть щеки, словно на дерево его случайным ветром занесло, да понял, что хорошая мина при плохой игре на этот раз не удастся, и махнул рукой.

– Эх, Дзюба, кабы я знал, то не полез бы на дерево. Пёс-то у тебя страхолюдный, и где только с такими жуткими глазищами откопал, ведь по всем описаниям прямо на ханыгу смахивает!

– Да ханыга, аркан те за пятку, и есть, – добродушно улыбнулся с седла манг.

– Что?! – не веря ушам, оторопело переспросил Выжиге, готовый вновь оказаться на макушке ивы.

– Я его ещё щенком добыл, – пояснил Дзюба. – Родителей охотники прибили, а выводок остался. Отлично приручаются, ежели с детства, и сторожей лучше не найдёшь – своих же диких сородичей гоняют так, что только шерсть летит!

– Вот оно как, – проговорил Выжиге успокоенно, по-новому разглядывая пса, – Сторож, значит... Погоди, сторож? Так у тебя табун здесь?

– Ага, – простодушно подтвердил манг. – Я к озеру проверить подъехал, есть ли водица ещё, коняг напоить, так оказывается, аркан те за пятку, есть.

– Погоди, табун? – Выжиге прямо загорелся от новой идеи. – Коняги? А не продашь ли, Дзюба, парочку? Прямо сейчас?

– А чего ж не продать, ежели бабок хватит...

– Хватит, – твёрдо заверил Выжиге. – Гони своих коняг, пёсий хвост!

– Слушай, а чего ж ты тут делаешь? – спросил в свою очередь Дзюба. – С Махины, что ли, выпал?

– С камила, – мрачно поправил Выжиге. – Ночью навернулся.

– Да ну?! – поразился семряк. – Аркан те за пятку! И жив остался?

– Как видишь. А озеро полное, потому как я, пёсий хвост, долголед ночью же и обронил, – Выжиге не стал уточнять, что сам же и бросил его в озеро, выглядело бы это глупо, хоть и сделано было в сердцах.

– А-а. А я-то думаю, дождей-то вроде как не было, а озеро полное... Жаль... Заберёшь небось долголед, аркан те за пятку... Слушай, а оставь его мне, какой долголед-то у тебя? Месячный или годовой? А я тебе скидку на коняг сделаю, а?

Враз взыграла в Выжиге торгашеская жилка, но, поразмыслив, дивное дело, решил не врать. Дзюба на кону слыл честным малым, и коняг ему тогда продал отличных, так что глупо было сейчас хитрить, когда его, Выжиге, судьба от него зависела.

– Суточный, – вздохнул Выжиге. – Можно уже и не вылавливать, пёсий хвост, к следующему утру растает. Так что пой своих коняг, ежели надобно.

– Спасибо, брат слав! Мне и этой водицы, аркан те за пятку, на монаду хватит, так что скидку я тебе все едино сделаю!

– Спасибо и тебе, Дзюба. Но, знаешь ли, пёсий хвост, я тороплюсь. Рад бы поболтать, но мне к полуночи в храмовнике надо быть. Приведи коняг, а?

– Что, и браги со мной не выпьешь, аркан те за пятку? – Манг заметно огорчился. – Я ж тут вторую монаду один, совсем одичал без общения.

– Выпью, браток манг. – Выжиг решительно тряхнул головой, понимая, что полчаса мало что изменит, а подкрепиться после утомительной ночи и не менее напряжённого утра не мешает, тем более что вся жратва в котомке на строфе осталась. – А ежели найдётся что-нибудь перекусить, пёсий хвост, то и перекушу!

– Замётано, аркан те за пятку! – сразу повеселел ряболицый. – А на моих-то конягах успеешь куда захочешь! Я тебе лучших продам, верь мне! За водицу спасибо!

Минут через десять они уже сидели на траве, разложив скатёрку с нехитрой снедью – сушёное мясо, копчёное сало, зелёный лук, сухари, – и уплетали за обе щеки, не забывая обильно запивать крепкой, ароматной брагой, настоящей на степных травах. Выжиг степенно, как и полагается солидному, удачливому торгашу, рассказывал о цели своего путешествия, о Невестином дне и своём сопернике Благуше, коего ему обязательно надо опередить, умолчав, естественно, о сон-траве, а манг мечтательно охал и восхищался, растроганный махровой романтикой подобного предприятия. Рядом переступала с ноги на ногу уже подготовленная пара коняг – один был гнедой, красновато-коричневого окраса, с чёрными хвостом и гривой, а второй – темно-серый в белое яблоко. Оба были обьезженные, сильные, выносливые даже с виду – красавцы, а не коняги, и оба стояли в полном снаряжении, при сёдлах. Выжиг то и дело поглядывал на них краем глаза, прикидывая, как бы повежливее и побыстрее смыться, не обидев добряка манга, честно сдержавшего слово продать ему лучших скакунов и взявшего за них всего по сорок бабок за каждого. Но манг, весьма неглупый парень, сам ему помог, как только с трапезой было покончено.

– Ну как, аркан те за пятку, отдохнёшь ещё чуток или в путь тронешься? Гнать тебе со всей мочи придётся, чтобы к полуночи успеть, но шансы хорошие.

– Поеду, – кивнул Выжиг и поднялся, стряхивая со штанцов крошки. – Спасибо за хлеб-соль, браток манг.

– Ну, прощай, браток слав. Удачи тебе в пути!

– И тебе тоже, браток манг, удачи.

– Постой! – вспомнил манг. – А с камилом-то твоим что делать, ежели объявится? Он же, аркан те за цятку, немалых бабок стоит? Поди, полный залог заплатил?

– Поймаешь – катайся сам! А мне возиться некогда, пёсий хвост!

– Так бабки же. – Манг от изумления даже руками всплеснул. Ещё бы – один камил стоил не меньше трех справных коняг, и если бы не щадящие условия залога, по которым при возврате строфокамила в стойло в добром здравии возвращалась большая часть внесённой суммы за вычетом дорожной мзды, то подобная «неотложка» разорила бы любого путешественника.

– Плевать! – Выжиг нервно дёрнулся при мысли о строптивом камиле, радуясь случаю от него избавиться.

Затем лихо вскочил на гнедого рысака, пнул пятками гладкие конячие бока и пустился в галоп, а следом, в связке, за ним двинулся заводной серый.

И понеслась степь-дорога навстречу – снова...

Глава семнадцатая, в которой бандюки натываются на Благушу, да и на Ухаря в придачу

*Не позволяй своему языку опережать твою мысль.
Апофегмы*

– Махина чешет последний перегон, а это значит – без остановок до самого храмовника, – деловито и абсолютно трезво (куда только все выпитое подевалось, самого-то Благушу и с одного глотка изрядно вело, больно уж ядрёное оказалось пойло) излагал Ухарь свой план. – Рыжие наверняка начнут действовать сейчас, пар им в задницу, значит и нам надо поторапливаться. Чтобы спокойно грабить, надо остановить Махину, так всегда делается, можешь поверить моему опыту (на взгляд Благуши, это заявление было двусмысленным), а мы им этого сделать не дадим! – И махинист для пущей убедительности прихлопнул пятернёй по столу, прихлопнул аккуратно, так как силу свою осознавал и старался её соизмерить, но чарки все равно опасно подпрыгнули, а стол загудел вместе с полом махинного отделения. – Мы поставим составу парусные щиты, пар ему в задницу, отцепим его от Махины и пустим своим ходом. Ветер сейчас попутный, вагоны должны сами дотянуть до храмовника, причём довольно шустро дотянуть, судя по инструкциям Бовы Конструктора. Вот заодно написанное и проверим. А мы на Махине прибавим ходу, прибудем раньше и наострим власти встречать гостей, за что и хапнем полагающиеся нам за них наградные бабки, верно? Ну, как тебе мой план, пар в задницу?

– Да вроде ничего так, оторви и выбрось... – Благуша озадаченно почесал затылок, пытаясь разобраться в сказанном. – А что за парусные щиты?

– погоди, сейчас сам увидишь, надо только кое-что предварительно сделать.

Ухарь решительно поднялся, едва не уткнувшись головой в потолок, и шагнул к торчавшему посреди Махины паровому котлу. Нагнулся, подвинул поближе ящик с горюч-камнем, затем открыл стальную задвижку и, кинув пару лопат в ревущую топку, с невозмутимым видом захлопнул снова.

Благуша же мигом оказался рядом, растопырив уши и раскрыв глаза во всю ширь. Интересно ему было устройство Махины, в диковинку. Непонятно, конечно, но все равно интересно. Впрочем, у него была ясная и толковая голова. Когда Ухарь угостил котёл горюч-камнем, он обратил внимание на большой белый циферблат, прикреплённый к чумазому стальному боку водогрейки, на котором дрогнула и поползла было к красному пределу большая чёрная стрелка, но, видимо, мощности не хватило, и стрелка замерла, подрагивая на достигнутой отметке, словно нос взявшего след охотничьего пса.

Ухарь хмыкнул:

– Не хочешь повторить? Ещё пару лопат надо.

– С удовольствием, оторви и выбрось! – Благуша действительно был не прочь причаститься таинств движения самой Махины, а чёрной работы он никогда не чурался. Надо, так надо! – А что мы делаем?

– Давление повышаем, пар те в задницу, – непонятно ответил Ухарь, снова распахивая задвижку.

Благуша ловко подхватил прислонённую к котлу лопату, набрал и отправил в бушующий огнём зев жирную порцию горюч-камня.

– Ещё?

– Угу. Кидай, пока не остановлю.

В топку полетела следующая порция, за ней ещё и ещё, так что парой обещанных лопат дело не ограничилось. Припахал его Ухарь, сообразил Благуша, просто-напросто припахал, как салагу. Но он не обиделся. Все равно было интересно.

– Закрывай! – громко скомандовал Ухарь.

Благуша тут же отставил лопату и попытался лихо захлопнуть задвижку, как это только что делал на его глазах махинист, и тут же с криком отдернул руку, замахал в воздухе, охладившая – на пальцах багровел моментально заработанный ожог.

– Вот и мой золушок так поначалу обжигался, – философски заметил Ухарь, имея в виду своего некстати заболевшего помощника. – Протри окоселовкой, до свадьбы заживёт. – И легко, голой рукой прикрыл дверцу, будто и не чувствуя жара.

Благуша, шипя от боли, укоризненно покачал головой.

– Мог бы и предупредить, оторви и выбрось!

– Да забыл, – простодушно пожал плечами махинист, неотрывно глядя на циферблат. – Мне-то температура задвижки до лампы!

Стрелка на хитром механизме снова, как живая, рванулась вверх и пересекла красную черту.

– Ага! – удовлетворённо сказал Ухарь, быстро-быстро закручивая какой-то штурвальчик на котле. – Преисполнилась утроба духом водицы животворной! – И пояснил: – Это я клапан перекрыл, что за свисток отвечает, теперь пар, не отыскав привычного выхода, рванёт по вновь открытому пути – вдоль вагонов поверху, по специальной магистрали, чтобы поднять и распустить щиты парусов. – Ухарь неожиданно расхохотался: – Представляю, какая паника разразится сейчас в вагонах, когда загромыхает железо над головами седунов! Но сначала надо снять предохранители. А ну пойдём со мной, брат слав. – И богатырь Ухарь двинулся в сторону двери, а Благуша за ним, решив не обращать на обожжённую руку внимания, хотя это было непросто.

Они вышли в тамбур...

Махинист распахнул неприметную боковую дверцу, встроенную в зад Машины, и, присев на корточки, принялся что-то химичить. Благуша пытливо заглянул через плечо. Пальцы махиниста ловко скручивали опломбированную проволоку и поворачивали какие-то многочисленные рычажки – который вправо, который влево, а какой и просто на себя – как только все помнит?!

– Осталось два, – заявил Ухарь, закончив возиться с мелочью и взявшись за самый огромный рычаг, растущий из пола ниши справа почти до самого верха. – Этот ставит парусные щиты... тот гребень, что поверху состава идёт, наверняка видел...

– Ага, – кивнул Благуша, заинтригованный происходящим на его глазах действием.

– А этот, – указательным пальцем свободной руки Ухарь ткнул в почти такой же рычаг слева, – расцепляет Машину с вагонами, пар ей в задницу. Сначала мы поставим щиты, а то связь оборвётся, управление-то все с Машины происходит, а уж затем и сам состав расцепим. Ну-ка...

Ухарь взялся за рычаг обеими руками, побряхтел, принаравливаясь, и медленно, плавно повёл его на себя и вниз. Взбугрились на широченной спине мускулы, аж шёлковая рубаша затрещала, застонало железо хитрого механизма. Вдруг где-то на крыше Машины громыхнуло, словно кто-то вывалил на гулкое железо тачку камней, отчего Благуша невольно вжал голову в плечи, а затем пошло-поехало! Грохот по нарастающей прошёлся по всем вагонам и лишь минуты через три затих где-то в конце. Или под впечатлением ранее сказанных махинистом слов Благуше почудилось, или он и в самом деле, даже сквозь закрытую дверь услышал испуганные вопли в каморном вагоне?

– Порядок! – оборачиваясь, хохотнул Ухарь – лицо великана-крайна сияло от радости, как начищенный таз. – Как говорится, у каждого идиота есть своя мечта, так моя только

что исполнилась наполовину! А сейчас и вторую половину исполним, только надо поторапливаться, пока бандюки на шум не подоспели...

– Что это ты тут делаешь, плисовые штанцы?! А ну отойди от рычагов!

От рыкающего баса, неожиданно прозвучавшего прямо за спиной, Благушу сперва аж шарахнуло в сторону. А когда он сумел развернуться, то встретился взглядом с одним из Рыжих, выглядывающим в тамбур из двери каморного вагона.

– Никак ты, Пивень, – спокойно проговорил махинист, оглядываясь. – Все такой же тощий, а, пар те в задницу? Совсем не заботится мой братец о твоём здоровье, не уважает он тебя...

Бандюк и вправду был самый щедушный и тощий из ватаги, зато басом обладал таким, что хватило бы и на троих. Благуша в которой раз убедился, поражаясь точности описания, что не соврала читанная на Станции вантедка, ни единым словом не соврала!

– Никак ты, Ухарь, – гнусно ухмыльнулся в ответ Пивень. – Все такой же законопослушный, а? И по-прежнему в долгах как в шелках, плисовые штанцы? Совсем не заботится Управление Станций о твоём благосостоянии... А ну убери свои лапы от механизмы! – громыхнул бандюк, заметив, что Ухарь положил ручищу на второй, левый рычаг, отцепляющий Махину от состава. – А то лапу-то по самое не хочу обкорнаю, не посмотрю, что сродственник ватамана, плисовые штанцы, он сам с тобой велел не церемониться!

Вряд ли бандюк знал, для чего служат эти рычаги, но подстраховаться, как водится, не мешало. И Пивень вошёл в тамбур, оставив дверь позади открытой. В правой руке бандюка блеснула длинная сабля, коей Благуша, замерев возле дальней от Пивеня стеночки тамбура (ни жив ни мёртв), сначала не заметил, а заметив, сразу поплохел животом. Да и в коленках что-то ослабло. Благуша никогда не считал себя бойцом, профессия у него была мирная, под стать его душе, торгашеская, и в таких ситуациях он частенько терялся. Вот как сейчас.

Ухарь между тем послушно опустил ручищу, выпрямился во весь свой немалый рост, отчего бандюк сразу показался Благуше маленьким и совсем нестрашным (что-то вроде рыжего таракана), и презрительно сплюнул Пивеню под ноги.

– Да никак ты на меня матрёшку катишь, Пивень, пар те в задницу?

– Бери выше, плисовые штанцы! Одной матрёшкой на этот раз не отделаешься! Щас ребята поспеют, так мы с тебя бочонок вытрясем!

– Ага, – ухмыльнулся Ухарь. – Ты ещё домину попроси.

– Домину мы с твоих седунов поимеем... – Пивень сунул в рот согнутый палец, и оглушительный свист сотряс тамбур подал сигнал ватажникам. Затем зло зыркнул на трясшего головой возле стеночки Благушу, которому от свиста заложило уши. – А этого дудака, что вздумал тебя предупредить, плисовые штанцы, без штанцов под колёса спустим!

– Почему без штанцов? – невольно вырвалось у Благуши.

– А чтоб страшнее было, плисовые штанцы! – рявкнул Пивень, мысленно уже примеряя обновку слава на себя. Откуда было знать Благуше, что есть у Пивеня давняя страсть, да такая сильная, что положенное каждому уважающему себя роду особое, семейное ругательство, имеемое в простонародье матюгальником, а у семьи Пивеня таковым было «ушки на макушке», сменил на вожделенное, без дум о котором и дня прожить не мог, – на «плисовые штанцы». Даже цвет был его любимый – синий. Замечательно как выходит, а? Осталось у слава свою мечту отобрать, и носи-гуляй на здоровье. Собственно, только потому и полез на махиниста, не обождав остальных, хотя всего-то на разведку был послан. Ну уж нет, штанцы эти – добыча его законная!

Ничего этого не ведал Благуша. Да только и Пивень не ведал, какую струнку в душе у торгаша тронет своим стращанием. А тронул же, да так подгадал, что все равно что себе нагадил:

– А-а! – резко выдохнул Благуша и, сам того не ожидая, кинулся бандюку под ноги. Пивень и глазом не успел моргнуть, как врезался спиной в стену, а сабля вылетела из руки и загремела, заскакала, как живая, по полу.

Схватка вышла короткой, но жёсткой. Хоть и выронил Пивень саблю, хоть и был на вид тощ и немощен, но на деле оказался жилист и силен. Сцепились слав с бандюком, как два матёрых кошары в драке за самку, натужно пыхтя и щедро отвешивая друг другу тумачи и оплеухи, и неизвестно, чем бы все кончилось, ежели бы их не разнял подоспевший Ухарь. Причём разнял до банального просто – вздёрнул обоих в воздух, Пивеня левой рукой, а Благушу правой, так как дело слава было правое. И все-таки горе-драчуны успели друг друга отмутузить изрядно – у Пивеня расплывались синяки под обоими глазами, да нос наливался спелой сливой, а у Благуши алели быстро распухающие уши и багровели ссаженные, когда мордой о пол полоскался, скулы.

– Ах ты, плисовые штанцы, я тебе сейчас ноги-то повывдёргиваю! – продолжал разоряться громыхающим басом Пивень, потешно болтаясь в богатырской руке махиниста. – И штанцы твои не помогут!

– Сдались тебе мои штанцы! – с трудом переводя дух, огрызнулся Благуша. – Отцепись, оторви и выбрось!

Ухарь с интересом выслушал обоих, а затем, недолго думая, хрястнул Пивеня головой прямо о стену, да и бросил враз обмякшее тело на пол. Благушу же аккуратно поставил на ноги.

– Ну ты герой, парень!

– Не стоило ему говорить про штанцы, – пробурчал слав, оправляя растрёпанную после драки одежду.

– А что так? – заинтересованно спросил Ухарь.

– Нам вроде как Махину отцепить надо, браток махинист?

– Верно. Но про штанцы я тебя ещё спрошу, так просто от меня не отделаешься. А Пивеня тащи пока в махинерию, мы за него ещё выкуп получим, вот увидишь. Только связать не забудь... штанцами. – Довольный собственной шуткой, Ухарь раскатисто заржал.

Благуша стянул с Пивеня кушак, завернул ему руки за спину и крепко перевязал запястья, краем глаза поглядывая за махинистом, взявшимся за второй рычаг. Снова вздулись могучие мускулы, снова затрещала чёрная рубаша на спине, да застонало потревоженное железо давно уснувших механизмов, забытых за ненадобностью.

Сперва никаких изменений заметно не было.

Но вот лязгнули сцепки где-то под полом, загремели стены и потолок, и тамбур разделся надвое, словно батон колбасы, разрубленный поперёк саблей Пивеня. В образовавшуюся щель, пока тонкую, ворвался свистящий ветер, прянул Благуше в лицо, взъерошил волосы. Благуша, изрядно напрягаясь – обмякший бандит значительно потяжелел, – поторопился перетаскать Пивеня через щель на сторону Махины. Оторви и выбрось, мог бы и предупредить, богатырь хренов, чтоб на другую сторону заранее перебрался! А вдруг вагоны сразу бы разъехались, и остался бы Благуша во власти бандюков! Уже просунув Пивеня головой в открытую дверь махинерии, слав вспомнил о его сабле, оставшейся бесхозной на полу, и отпустил незадачливого вояку. Сникшая голова Пивеня при соприкосновении с полом издала звонкое «блямц», а Благуша вернулся и завладел саблей. Оружие могло пригодиться. Хоть он и не умел ею пользоваться, но с саблей в руках было как-то надёжнее.

– Надо бы скорости прибавить, пар в задницу, – озабоченно проговорил Ухарь, глядя, как верно, но медленно расширяется контурная щель. Ветер все сильнее рвался внутрь разъединённого тамбура, слепо и панически метался в тесном пространстве, бился грудью в железо стен, а отыскав лазейку в виде открытой двери камерного, радостно юркал внутрь. – А то Рыжие доберутся до нас быстрее, чем оторвёмся как следует. Пойду-ка я...

Но пойти Ухарь не успел.

– Здорово, братец, – проскрипел под вой ветра голос Хитруна, ватамана Рыжих, шагнувшего в дверной проем из камерного со здоровенной обнаженной саблей в руке – куда там до неё сабле Пивеня, огрызок, а не сабля. – Что это ты тут вытворяешь, кровь из носу? Ватажника моего обижать вздумал? Видать, не подумал, чей ватажник, а? А вот мы сейчас это обсудим... по-сродственному.

Неповоротливый с виду, богатырь-махинист одним прыжком оказался возле Благуши и, вырвав у того из руки куцую для его габаритов саблю Пивеня, загородил слава широкой спиной от ватамана.

– Беги в махинерию! На приборной доске... Пар в задницу! Стенка передняя под лобовым окном, перед креслом, по ней, в центре – ряд красных квадратных окошек, цифрами пронумерованных от одного до девяти... ткни пальцем в седьмое.

– Что это ты, братец, кровь из носу, и поговорить со мной не желаешь? – осведомился Хитрун, хищно оскалившись под рыжими усищами, которые своими устрашающими размерами, как оказалось, почти не уступали усищам Ухаря.

– А ты?! – отчаянно крикнул Благуша, до смерти напуганный грозной фигурой главного бандюка, медленно, но уверенно подступающего ближе к махинисту со сверкающей полосой острой стали в руках. – Ты-то как?

– А я тут с братцем потолкую, – процедил сквозь зубы махинист, – да, может, ещё кто из его приятелей объявится, компанию составит. Быстрее, пар в задницу!

– Понял!

Благуша метнулся внутрь Машины, благо дверь уже была распахнута головой все ещё бездыханного Пивеня, наступив сапогом тому на спину – не до чайных церемоний было Сзади тут же тревожным набатом зазвенела сталь – пошла-поехала рубка двух великанов-крайников, махиниста с ватаманом, заставив Благушу поторопиться, хотя куда уж торопиться – и так летел, не чуя под собой ног.

Ну-ка, где тут это окошко, попытался сообразить слав, подскочив к приборной доске, и, лихорадочно шаря глазами по причудливо утыканной разными пимпочками, загогулинами, кулдыками и рычажками поверхности, почти сразу увидел необходимое. Как там Ухарь сказал, с цифрой «семь»? Сейчас, словно глаз степного ханыги, изнутри горело пятое. Благуша занёс уже было палец, но на секунду замер в нерешительности – правильно ли понял махиниста, то ли это окошко? А вдруг что не так сделает?

Тут сзади, из тамбура послышались разъярённые крики сразу нескольких человек, и звон сталкивающихся клинков сразу значительно возрос, видимо, к ватаману присоединилась вся его ватага. Нужно было спешить на выручку Ухарю. Не задумываясь более, с сакраментальным криком: «А-а... оторви и выбрось!» – Благуша ткнул в седьмое окошко.

Результат последовал сразу же.

Дёрнуло так, что слава только по счастливой случайности не сбило с ног – успел схватиться и повиснуть на каком-то шнуре с полированной деревянной ручкой на конце, свисающем с потолка. Машина оглушительно взревела, закладывая уши, из поддува парового котла повалили густые клубы обжигающего пара, а сам котёл задрожал, как в лихорадке. Торгаш шарахнулся в сторону, отпуская злополучную ручку. Похоже, не до конца перекрыл махинист пар на свисток.

Сзади же неслись разноголосые вопли – кому-то от рывка Машины повезло меньше. «А как там Ухарь? – молнией пронеслось в голове слава. – Уж не сорвался ли в щель? Оторви и выбрось, хоть бы в руки что-нибудь взять, никакого ж оружия! А с голыми руками выскакивать – форменным дудаком надо быть, оторви и выбрось! И возле топки никакого инструмента, ящик с горюч-камнем есть, а инструмента – никакого, это ж как понимать? Куда ж лопата подевалась?»

Взгляд заозиравшегося Благуши упал под стол, на две здоровенные трехлитровые бутылки, одна из которых была уже пуста, а вторая только ополовинена. Схватив обе за горлышко за неимением лучшего, он понёсся обратно, на помощь Ухарю. Но едва вспрыгнул Пивеню на спину и высунул в тамбур голову, как возле самого носа просвистела сабля. Благуша отшатнулся, но тут же, чувствуя несвойственный себе азарт, выглянул снова и окинул быстрым взглядом поле боя. И восхищённо прицокнул языком. Драчка шла знатная!

Богатырь Ухарь, ну совершенно неуклюжий на вид, словно преобразился с саблей в руках – рубился столь зло и отчаянно, что отражал атаки одновременно четырех бандюков! И сразу и по отдельности! Словно не две у него было руки, а по меньшей мере четыре! Подобного мастерства Благуше видывать ещё не доводилось. Родовые матюгальники так и летели из глоток сражающихся вслед за клинками, скрещиваясь не хуже закалённой стали:

- Усохни корень!
- Пся крев!
- Усы узлом!
- Пар в задницу!

Тем временем щель посреди тамбура уже раздалась на шаг и продолжала увеличиваться куда быстрее, чем раньше, а Ухарь пока умудрялся держать всех бандюков по ту сторону, не позволяя зайти к себе с флангов. Ватажники понимали, чем это грозит, и остервенело наседали на богатыря с криками и бранью. Но даже громадная сабля Хитруна не могла здесь помочь – явное мастерство ватамана столкнулось с запредельным мастерством махиниста!

Хорошенько примерившись, Благуша изо всех сил метнул обе бутылки во врагов, одну за другой, да так метко, словно всю жизнь только этим и занимался. Первая, та, что была с сивухой и, соответственно, потяжелее, хотя и сама по себе трехлитровая бутылка весит немало, звезданула по кумполу самого Хитруна, а вторая хрястнула по коленке Буяна. Враз окосевший ватаман отлетел к стенке и сполз на пол, выпучив глаза и выронив саблю. Буян же, сразу прекратив буянить, рухнул на пол и взвыл раненой белугой водилась такая страсть в водных домах, зверь – не зверь, рыба – не рыба, зазывает моряков дурным голосом в пучину вместе с кораблями... Дура какая-то... Сами бутылки, встретившись лицом к лицу со стальным полом, героически погибли, густо расплескавшись осколками стекла и брызгами недопитой сивухи.

Не успел тамбур заполниться запахом растрянжиренного пойла, как его жадно всосал ветер. И тут же, изрядно захмелев, разошёлся ещё пуще – завыл, закрутился юлой промеж стен, заколотился ветряной башкой о железо, оплакивая свою легкомысленную жизнь.

– Эх, хорошо пошла окоселовка, оторви и выбрось! – Слав радостно засмеялся. – Как косит, нет, как косит!

Остальных двух бандюков, Ухмыла и Жилу, заметно растерявшихся без главаря, Ухарь живо отогнал от края защищаемой территории, и, тяжело дыша, противники замерли друг против дружки, но каждый со своей стороны, раззадоренный успехом. Благуша продолжал острить:

– «Привет!» – сказала бутылка, подлетая к голове. «Привет и тебе!» – отвечала голова, отлетая от бутылки! Эй, Ухмыл, а чего ж ты свою балабойку не прихватил, спел бы что весёлое напоследок!

От ощущения собственной удали торгаш слегка попрыгал на спине связанного Пивеня, на что бессознательное тело беспомощно вякнуло в ответ.

А Ухмыл от злости только зубами скрипнул, ничего не сказал. Да и что тут теперь скажешь – не до рубки ему было, так как щель увеличилась уже на два шага. Ветер так и рвал одежду, стонал и свистел, да бил в лицо, заставляя давиться воздухом, ставшим вдруг плотным и упругим, и стоять рядом со щелью, даже не со щелью, а, в натуре, пропастью, в кою уже была видна бешено несущаяся степь по бокам, слившаяся в какую-то неразличимую муть,

да блестящие рельсы внизу, было просто жутко. Того и гляди стащит воздушным потоком с площадки да располосует колёсами на узкие ленточки.

– Молодец, – ухмыльнулся Ухарь Благуше, придвигаясь массивным телом ближе. – Это ты хорошо придумал с бутылками, пар тебе в задницу!

– А мне-то за что?

– Да это я так, к слову... – И рявкнул переминающимся напротив бандюкам: – Ну что, шавки, чья взяла?

– погоди, усы узлом, – пригрозил Ухмыл под тоскливый вой Буяна, баюкающего в заскоружных от несправедной жизни ладонях правое колено и ругавшегося непонятно – «пся крев, пся крев». – Щас ватаман очухается, усы узлом, так мы ещё покалякаем! А ну отдавай нашего Пивеня обратно!

– Ага, прямо разбежался, – с широченной ухмылкой пообещал Ухарь. – А без него, пар тебе в задницу, слабо?!

– Поговори ещё, – угрюмо бросил сухощавый и мускулистый Жила, прядая рыжими усами, как лошадь ушами. – Все едино никуда от нас не денется, усохни корень!

– Да ну, пар в задницу? – продолжал изгаляться Ухарь. – Так, может, разбежишься, прыгнешь ко мне покалякать? Пока далеко не разнесло? А то поздно будет! Я, понимаешь ли, к вам не могу, мне Махиной управлять надобно. Ну так как?

Но ни Жила, ни Ухмыл желания «покалякать» на вражьей территории не изъявили, лишь зло поглядывали то на богатыря-махиниста, то на торгаша Благушу, то на своего незадачливого ватажника, валявшегося без сознания на полу. Спohватившись, Благуша наконец слез со спины многострадального Пивеня.

– Ну как знаете, – не дождавшись ответа, пожал плечами Ухарь. – Когда спохватитесь, поздно будет. Потом хоть ветру в штанцы напускай, хоть пар в задницу, все равно не перепрыгнешь!

Бандюки угрюмо молчали, признав своё поражение.

А щель все ширилась – три шага, четыре, пять... Махина все увереннее набирала скорость, отрываясь от осиротевших без твёрдой тяги вагонов. Десять шагов. Безнадёжно далеко уже были бандюки, оставили их Благуша с Ухарем с носом. Те уж и сабли в ножны попрятали, чего зря теперь махать. Уж и Буян давно выть перестал, оставив в покое побитую коленку. Уж и Хитрун заворочался на полу, приходя в себя...

И вдруг, вспомнив о Минуте, слав с горестным воплем схватился за голову.

– Оторви и выбрось!

– Что такое? – Ухарь озабоченно повернул голову. – Потерял что?

– Ага... Попутчицу свою! Совсем про неё забыл!

Бандюки, разобрав слова торгаша сквозь вой ветра, понимающе переглянулись, и Благуша прикусил язык. Да поздно.

– Балда ты, брат слав, – с досадой произнёс Ухарь. – Балда и дудак полный. Баба на Махине – не к добру, пусть бы там и оставалась, чего было вспоминать, да ещё вслух!

– Балда, – повинно согласился торгаш, чувствуя себя хуже некуда от такой глупейшей оплошности.

– Аркан! – вдруг рявкнул с той стороны пришедший в себя Хитрун, с явным трудом поднимаясь на ноги. – Жила, чего стоишь, кровь из носу! Доставай аркан! Кто знает девку этого дудака?

– Я, – ответил Ухмыл, недобро прищурившись в сторону Благуши и растянув тонкие губы самым мерзким образом. – Видел я его телку, усы узлом! Минутой звать!

– Иди за ней, – коротко и властно распорядился Хитрун. И крикнул Ухарю с Благушей: – Слышали, герои, кровь из носу? Сейчас вашу девку приведём! Тогда и поторгнемся по новой!

С удивительным для его мощной, приземистой комплекции проворством Ухмыл скрылся в каморном вагоне, а остальные бандюки заметно оживились, пропуская вперёд Жилу с арканом наготове. По уверенным раскручивающим движениям последнего было видно, что делать ему это не впервой, что аркан давно стал продолжением лихих ручонков.

И Жила оправдал ожидания своей ватаги.

Свистнула подлая волосяная верёвка, заглотив все десять шагов разделявшей их пропасти, как удав мышь, свистнула да зацепилась за что-то петлёй где-то под полом тамбура, ни рукой не достать, ни увидеть. Жила шустро выбрал слабинку и прикрутил свой конец к нижней дверной петле каморного вагона, после чего верёвка натянулась.

– Порвёт, – затаив дыхание и уставившись на верёвку, проговорил Благуща.

Ухарь промолчал, поглядывая вниз да помахивая сабелькой, словно мух отгонял.

Натянувшись до предела, верёвка аж зазвенела от напряжения, запела, как струна на бешеном ветру, насаживаясь изо всех своих малых, но жилистых силёнок, и... и выдержала.

Дёрнулись вагоны позади Махины, уравниваясь с ней в скорости, и пропасть перестала расти.

– Что делать будем? – обеспокоенно выгнул брови Благуща. – Рубить?

Пока они были ещё вне досягаемости бандюков, но кто знает, что те придумают ещё? И Минута... приведут ведь с минуты на минуту. Тьфу ты, каламбур хренов, оторви и выбрось... Эйфория от победы, оказавшейся лишь временной передышкой, уже прошла, сменившись тревогой и унынием. Сам ведь все испортил, вот что обидно! Доехала бы Минута и без него, сама по себе, горя бы не знала, так ляпнул же, дудак!

– А ничего пока, – громко, с деланной ленцой ответил махинист, почёсывая широкую спину кончиком сабли, в руке размером с добрую лопату она казалась безобидным ножиком. – Так ещё лучше. Сюда они не попадут, а с вагонов на такой скорости не спрыгнешь. Доведем их до храмовника всем скопом да сдадим властям. Представляешь, сколько выручим бабок? Я все свои долги покрою на пять лет вперёд...

С вражьей стороны остервенело понеслись матюгальники, словно лай своры собак:

– Кровь из носу!

– Усохни корень!

– Пся крив!

– Да пар в задницу, – так же лениво отмахнулся Ухарь. – Рвите глотки на ветру, коли делать нечего.

Того, что случилось буквально в следующий миг, не ожидал никто. Такое можно было увидеть только во сне или... или в цирковом балагане.

Сначала в дверях камерного вагона показался Ухмыл, почему-то спиной вперёд. Потом Ухмыл нелепо взмахнул руками и рухнул на пол, свесив буйную голову прямо над сверкающими рельсами. И больше не поднялся.

А затем на площадке расчекрыженного надвое тамбура возникла Минута.

Не приходилось ещё видеть Благуща, чтобы девицы так стояли. Картина – хоть хватайся за кисть и пиши! Согнутые в локтях руки, тонкие и изящные, выставлены вперёд на уровне груди, пальцы открытых ладоней выпрямлены и сжаты, словно наконечники копий. Ноги под долгополым шерстяным плащом, обутые в высокие, до колен, синие сафьяновые сапожки, широко расставлены. А глаза-то! Эти ласковые и милые всего полчаса назад зеленые девчоночьи глаза! Они пылали изумрудным огнём, как у дикой кошары перед смертоубийственным прыжком!

Этот эпизод, наглядно подтвердивший древнюю мудрость, гласившую, что в тихом омуте анчутки да елсы водятся, рогатые и хвостатые, потряс слава до глубины души.

Причём в положительную сторону. «Вот это да! – восхищённо подумалось Благуща. – Неужто Минута Ухмыла начисто вырубил?! Лежит ведь, признаков жизни не подаёт, а рыжая

патлатая голова полощется над краем площадки, словно стирание белья на верёвке. Вот это девица, даже не девица, а боевая девка, оторви и выбрось!»

Батага Рыжих от неожиданности замерла в полном составе (кроме, конечно, Пивеня, устойчиво вышедшего в расход). Замерли и Благуша с Ухарем. Благуша в благоговейном восхищении, Ухарь – в каком-то весёлом удивлении, словно увидел что-то понятное только ему одному.

Первым опомнился ватаман, и зычный крик полоснул воздух:

– А ну держи её, кровь из носу!

Но поздно, поздно уже! Порскнула девица, уворачиваясь от грубых и торопливых мужских рук, взлетела легкокрылой птицей прямо на струну туго натянутого аркана. И побежала по нему легко, быстро, словно по мостику! Словно стояла Махина на месте и не было бешеного, срывающего под колёса ветра!

Мужики прямо рты пооткрывали, что с одной стороны, что с другой. Челюсти – до пола, хоть вместо совковых лопат используй. Только жестокосердный ватаман схватился за свою громадную саблю, взмахнул над головой и обрушил на аркан, будто на голову врага. Лопнула тетива, не вынесла такого надругательства за свою верную службу, но Минута уже добежала до платформы Махины. Несмотря на всю ловкость, тяжело бы ей пришлось, ведь аркан уходил вниз, куда-то к колёсам, опустив послушницу ниже края платформы почти по пояс. Но нагнулся богатырь Ухарь и в тот миг, когда опора исчезла из-под ног девицы, подхватил её на руки, как ребёнка малого, и поставил рядом – только полы плащика взметнулись, приоткрыв стройные ножки поверх изящных синих сапожек. Приоткрыли да спрятали. Второй раз рванулась Махина, освобождаясь от бремени вагонов, второй раз Благуша еле удержался на ногах, а удержавшись, бросил поспешный взгляд на Ухаря с Минутой – целы ли? Ведь с самого что ни на есть краю стояли! Целы. Целы оказались друзья!..

И даже более того – притянув к себе рослого Ухаря за уши, до которых едва дотянулась кончиками пальцев, Минута запечатлела на его губах сладкий благодарный поцелуй, отчего махинист смущённо побагровел. Честно заработал! Право слово, Благуше было ничуть не жаль, что поцелуй достался Ухарю, он сам был ему благодарен за её спасение. Ведь он так её подвёл.

А потом какое-то время, облегчённо посмеиваясь и чувствуя, как спадает напряжение схватки, все трое смотрели, как медленно отдаляется от них состав, как уменьшаются безмолвные фигурки бандюков, на этот раз проигравших окончательно...

Тут-то Благуша и обратил наконец внимание на крышу удаляющихся вагонов – окутанный клубами пара, под ясным светом Небесного Зеркала на крыше состава ярко алел развёрнутый гребень огромных алых парусов! Благуша аж замер в немом восхищении – так великолепна, так величественна была эта картина!

Чуть позже удивлённо ойкнула Минута, заметив паруса.

– Все-таки сработало! – удовлетворённо сказал Ухарь, поглаживая пальцами громадные рыжие усы. – Я всегда говорил, что Бова Конструктор – голова! Ну, пар вам в... Хм...

Первый раз родовое ругательство смутило махиниста, и виной тому наверняка было присутствие Минуты. Легко подхватив за шкурку Пивеня, так и не пришедшего в себя, он поволок того в махинерию – словно куль с мукой. А через плечо бросил:

– Ладно, чего там. Пошли-ка праздновать победу!

Глава восемнадцатая, просто промежуточная

Искомое всегда находишь в последнем кармане.
Апофегмы

Ежели бы кто-нибудь сказал, что строфокабил догонит его в дороге сам, по своей птичьей воле, Выжига рассмеялся бы тому в лицо – кого он уж точно не хотел больше видеть, так это подлую птицу. Но кабил догнал. То ли голод заставил, то ли прав в конце концов оказался строфник, заявлявший, что от седуна кабил убегать не приучен, – не важно. Главное, что кабил догнал и, поравнявшись со всадником, несущимся во весь опор, какое-то время молча бежал рядом с заводным, серым в белое яблоко конягой, не особенно напрягая голенастые лапы – что для него какая-то конячья скорость? Тихий ветер по сравнению с бурей. А пегий ошалело косил на птицу глазом, явно узрев такое чудо впервые в своей конячьей жизни.

Выжига же был так погружён в свои невесёлые думы, так занят выматывающей скачкой, что кабила не замечал до тех пор, пока обиженная невниманием птица не подала голос:

– Кря!

Вот тогда-то он и взвился, едва не сорвавшись с седла. Оглянулся, узрел бегущего рядом кабила, схватился за сердце, закатывая глаза, потом за голову... А когда слегка отпустило, безумно расхохотался. И так, с перерывами, хохотал довольно долго, а кабил, недоуменно тараща на странного человека, смиренно бежал рядом, налегке, радуясь своей приручённой птичьей душой непривычной свободе, пока не оказался поздно вечером в своём стойле на Северной Станции города-храмовника под названием Простор.

Но то будет не скоро, ибо вечер ещё не наступил, а мы пока вернёмся к Благуше.

Глава девятнадцатая, где путешественники празднуют победу

Не откладывая на послезавтра то, что можно выпить сегодня.
Апофегмы

Освобождённая от вагонов, Махина лихо мчалась по стальным рельсам.

А Благуша, Ухарь и Минута праздновали победу... Правда, сперва Минута обработала воякам целебной мазью из крошечной баночки, принесённой с собой, ссадины, полученные в сражении (Благуше – заодно и обожжённые пальцы, познакомившиеся с дверцей топки), а уж после гостеприимный Ухарь вытащил из запасника две объёмистые холщовые сумки и предложил своим гостям заняться их содержимым. Сам же с озабоченным видом немедленно отошёл к приборной доске, сославшись на срочную занятость. Похоже, сервировка стола относилась к его наименее любимым занятиям. Впрочем, гостей упрашивать не пришлось – после столь активных боевых действий все изрядно проголодались и не прочь были перекусить тем, что Смотрящий послал, а послал он благодаря Ухарю изрядно. Например, пару копчёных зайцев, десяток здоровенных, каждая длиной в четыре ладони, сушёных рыбин, предсмертно тарасивших на мучителей глаза и скаливших зубы, объёмный пакет с яблоками, грушами, огурцами и помидорами и три полные трехлитровые бутылки. В двух явно плескалась чистая как слеза так называемая окоселовка – зверь-сивуха, убойное пойло собственноручного изготовления махиниста, а в третьей, к изрядному облегчению Благуши, булькал тёмный пахучий квас. Вспомнив о тусеке с долгольдом, благополучно пережившим за пазухой драку с бандюками, слав выставил на стол и его – авось кому захочется испить свежей водицы. Руки слава двигались без участия сознания, помогая девице сортировать снедь, а сияющие восхищением голубые глаза безотрывно смотрели на Минуту, так чудесно объявившуюся в самый последний миг битвы за территорию. Та же, чувствуя его неподдельный интерес к своей персоне, смущённо рдела, отчего хорошела неимоверно, и даже её короткая мужская стрижка начинала казаться славой вполне уместной. В конце концов спохватившись, Благуша перевёл взгляд в сторону Ухаря, совершающего загадочные действия над приборами из вместительного водильного кресла, словно специально спроектированного под его внушительный зад.

А тот, похоже, веселился от души, забавляясь с какими-то рычажками, задвижками, щёлкающими при нажиме пимпочками и прочими прибабасами, управляющими, по скромному разумению Благуши, движением Махины. Несмотря на громадную комплекцию, руки махиниста двигались с завидной ловкостью, быстротой и точностью, говорившими о весьма солидном опыте работы на данном поприще. Мчавшаяся по степи Махина то издавала долгий, бьющий по ушам рёв, окутавшись паром так, что ветер не успевал его уносить и в окне снаружи висел молочный кисель, то ухала и утробно скрежетала, словно некое чудовище, в горле которого застрял непережеванный кусок. Испуганное степное зверье разбегалось прочь задолго до приближения бешеного железного зверя.

Да уж, восторженно думал Благуша, глядя от стола поверх плеча Ухаря в лобовое стекло, зрелище со стороны, верно, незабываемое – Махина без вагонов! Строчка веховых олдей, выстроившихся, словно шеренга стражников, по левую сторону от железной дороги, так и неслась навстречу, выбегая от горизонта... Горизонта? Глаза Благуши удивлённо расширились. Впереди, вырастая из туманной дымки расстояний, уже довольно отчётливо прорисовывалась гигантская светло-синяя гора – конус со срезанной вершиной, – которая уходила в небо столь высоко, что, казалось, подпирала собой само Небесное Зерцало. Гора являлась не чем иным, как храмовником, столицей Простор-домена, тоже звавшейся Простором.

С каждой вехой, что они оставляли позади, храмовник проступал все чётче и чётче, безмерно разрастаясь вширь. Благуше приходилось слышать немало рассказов о величине городов-столиц каждой из шести Граней Универсума, но увиденное поразило всякое воображение, заставив испытать что-то вроде благоговейного трепета, – до самой горы было ехать ещё несколько часов, но уже сейчас её необъятные склоны заслоняли значительную часть горизонта. Горазды же были Неведомые Предки строить! И ведь именно эта гора, а об этом знал любой малец, рождала Луч, обласкивающий своей животворной силой целую Мировую Грань! Вон он, толщиной, наверное, с саму Махину, и сейчас бьёт из вершины, ослепительно отражаясь от Небесного Зеркала! Восторгу слава не было предела. Зрелище было незабываемым, а путешествие поистине замечательным – будет что вспомнить после возвращения домой – и про виденный собственными глазами храмовник, и про схватку с бандюками!

Да, а как там наш бандюк?

Пивень все так же неподвижно покоился на лежаке махиниста, где его, притащив, без лишних церемоний оставил Ухарь. Что-то больно долго бандюк не приходил в себя. Не «вразумил» ли его Ухарь вусмерть? Добрая была душа у Благуши, жаль ему стало Пивеня, хоть и был тот бандюком, но ведь и человеком был тоже, да и выглядел в отключке как-то сиротливо и безобидно, словно дитя малое.

– Пойду гляну, что с ним, – сказал он Минуте, на что та молча и сосредоточенно кивнула, вспарывая ножом брюхо одной из сушёных рыбин, казалось щёлкающей острыми зубами от бессильной злобы.

Подошёл, присел на край лежака. Присмотрелся – грудь Пивеня чуть заметно двигалась в такт редкому дыханию. Слав почувствовал странное облегчение, словно был в ответе за жизнь бандюка. Жив, елс этакий! Приподнял голову за рыжий чуб, глянул. Ага, знакомая картина – железо всех привечало одинаково. Шишка на затылке бандюка вздулась будь здоров, как прям у него самого, а в остальном голова вроде как в порядке, крови не видать. Он опустил голову обратно, и тут Пивень вдруг открыл глаза, уставившись на Благушу с неожиданной строгостью:

– Чего балуешься, плисовые штанцы? Мало меня ухайдокали?

– Да это я так... Смотрел, жив ли... – Благуша немного растерялся, чувствуя себя словно вор, пойманный за руку. Он-то полагал, что бандюк без сознания, а тот просто лежит с закрытыми глазами. Пивень зашевелился, явно пытаясь приподняться, чему сильно мешали связанные за спиной руки, и Благуша помог ему сесть, прислониться спиной к стенке.

– Не беспокойся, жив, – проворчал Пивень, зло стрельнув глазами. – Да не все ли тебе равно? Что за живого, плисовые штанцы, что за трупень – власти за меня дадут одинаково.

– Да я не о награде беспокоюсь, – искренне осерчал Благуша. – А исключительно из человеколюбия. Хочешь, чарочку поднесу?

– Окоселовка? – Глаза Пивеня вспыхнули неподдельным вожелением, говорившим, что продукт был ему знаком.

– Она самая...

– Таши!

Благуша не заставил себя ждать – сбежал к столу, налил чарку, прихватил на закуску кусок сушёной рыбины, уже разделанной Минутой, и вернулся обратно.

– Руки ты мне, конечно, не развяжешь, плисовые штанцы? – спросил Пивень, пожирая чарку глазами.

– Не могу, оторви и выбрось, – Благуша виновато кивнул, снова опускаясь на лежак рядом.

– Лей! – И Пивень открыл пасть.

– Все сразу, что ли? – не поверил слав, – Не многовато?

– Лей, говорю, я к ней привычный!

Благуша выполнил требуемое.

– Слушай, а чего ты так к плисовым штанцам прицепился? – полюбопытствовал он, поднося рыбину к губам бандюка – занюхать или закусить, как захочется. Но Пивень вдруг захрипел, закатил глаза и рухнул на бок, снова потеряв сознание. Благуща огорчённо поднялся.

– Ты там смотри, всю мою окоселовку ему не скорми, – предостерёг Ухарь, не оборачиваясь из водильного кресла. – Нам ещё самим понадобится, пар ему в задницу!

– Да он уже все, – махнул рукой Благуща, отходя обратно к столу, – переоценил свои силы. Что называется, недоперепил – выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел. Я тоже хорош, позаботился, называется, о ближнем...

– А я полагаю, – заявила Минута с улыбкой, – что вот именно этого он и хотел.

– Отключиться, что ли?

– Ну да. – Минута пожала плечами. – Думаешь, так просто выносить плен?

– Может, ты и права. – Благуща вздохнул. Его продолжали мучить какие-то странные угрызения совести. Ведь не хороший же человек лежит на полу, бандюк лежит, а все одно как-то неловко. – Может, под голову ему что подложить? Жестковато ведь на железе-то валяться...

– Ничего, бандюки ко всему привычны! – откликнулся Ухарь, посмеиваясь в усы и продолжая без устали что-то дёргать, нажимать и крутить на своей доске. – Этот дудак свою долю сам выбирал, так что обойдётся, пар ему в задницу!

По всему было видно, что он давно мечтал о чем-то таком необычном и наконец ухватил свой звёздный час за долго ускользающий хвост. Оторвавшись от какого-то прибора, богатырь обернулся и, перехватив взгляд Благущи, весело заорал:

– Мы установили рекорд скорости! Ни одна Махина во всех доменах ещё не летала так быстро, с вагонами-то особо не разгонишься! А мы это сделали!

Неожиданно махинист стремительно вывернулся из кресла, прыгнул к столу, сгрёб в охапку обоих гостей, как здоровенная щука – мальков зубастой пастью, и закружился с ними по махинерии, вокруг парового котла, что можно было принять за своеобразное приглашение порадоваться вместе с ним. Минута отчаянно взвизгнула, выронив из рук нож и очередную рыбину, разделяваемую на удобные к приёму внутрь составные части, и задрыгала ножками. Благуща тоже попытался выразить протест, но махинист на вопли не обратил внимания. Кружил, пока не утомился сам, и лишь потом отпустил обоих с миром. Осоловевшие от вращения, качаясь из стороны в сторону, Благуща с Минутой кое-как добрались до табуреток. В этот момент они напоминали матросов, бредущих до вожделенной земли по палубе попавшего в шторм и налетевшего на прибрежные скалы корабля. А Ухарь, выпустив пар и успокоившись, вытащил из запасника третью табуретку и тоже подсел к столу. Быстро расставил чарки, разлил окоселовку и произнёс первый тост, требовательно и сурово глянув на гостей:

– За нашу удачу!

Отказаться было невозможно, особенно после такого взгляда, но... Благуща помнил об убийном действии пойла, поэтому лишь чуть пригубил и сразу вгрызся в подготовленное яблоко. Слезу все же вышибло. Минута, как он заметил, тоже ограничилась глотком. Героически проглотив огненную жидкость и даже не поперхнувшись, она сразу потянулась за бутылкой с квасом, стараясь добраться до неё раньше, чем глаза вылезут на лоб. Ухарь же опрокинул чарку полностью, смачно крякнул и зажевал копчёной заячьей ляжкой, сделав вид, что сачкование гостей ему до лампы – самому больше достанется.

Некоторое время все сосредоточенно жевали.

Затем в самом благодушном настроении махинист поинтересовался:

– Так что там, брат слав, за история с твоими штанцами?

– Да не везёт мне на них, оторви и выбрось. – Благуща смущённо хмыкнул и хрумкнул огурцом. – Который раз из-за них без них чуть не остался. Синий плис нынче в моде, дорогой – страсть, далеко не каждому по карману. Да и редкая материя к тому же, не найти. Чудом мне достались, по счастливому случаю, от знакомого торгаша с домена Крайн. Тех, кто потом

перекупить пытался, не счесть, а пару раз и грабануть пробовали. Хорошо, оторви и выбрось, что стража рядом оказывалась, кликнуть успевал. Житья мне от них нет, уже и сам подумываю, не продать ли да от головной боли избавиться. Но беда в том, что мне они самому нравятся.

– Хорошие штаны, – подтвердил Ухарь, – богато смотрятся, знатно. Я б у тебя купил, да размер не мой...

– Вот и я о том же, – пробурчал Благуша, разом перестав улыбаться.

– А чего тебя несёт в храмовник, брат слав, по делу али по праздному любопытству?

– У него состязание с соперником на Невестин день, – улыбнулась Минута.

От такой новости Ухарь даже жевать перестал. Пока он с плохо скрываемой жалостью разглядывал Благушу, девица воспользовалась моментом и быстро перелила окоселовку из своей чарки в его, а себе плеснула кваску.

– Что она там тебе наобещала? – Брови махиниста хмуро наползли на переносицу, как грозовые тучи на Зерцало. – Небось, что, кроме тебя, любимого, никто ей более не нужен, что с тобою рай и в шалаше? Что от тебя, акромья любви да ласки, ничего и не требуется? Знакомая песня, брат слав. Любим мы, мужики, такие песни. Я когда-то тоже на такую купился. А после выяснилось, что нужно моей суженой ох как много, а лично я ей как раз на хрен сдался!

– Нет, моя Милка не такая. – У слава непонятно почему мгновенно запылали щеки. Вроде бы ничего такого ему Милка и не говорила. По крайней мере, не такими словами... но близко по смыслу...

– Да что это ты судишь по одной женщине обо всех? – возмущённо поддержала его Минута. Но не выдержала долгого укоризненного взгляда махиниста, тоже зарумянилась, а потом и вовсе глазищи свои зеленые да красивые в пол опустила.

– Вот и я о том же. – Ухарь глубоко вздохнул, повёл могучими плечами, словно два холма передвинул, потом вполне миролюбиво пояснил: – Да я зла на свою бывшую жёнку не держу. У меня своя правда, мужицкая, а у неё своя, бабья, тут тоже понимать надо. А ты, девка, собой – молодец, хоть и не к добру, конечно, баба на Махине. Что за школа рукомахания у тебя?

– Школа? – Минута сразу стала непонятливой.

– Ладно, не скромничай, глаз у меня бывалый. Так какая школа – «Гром» или «Ладыга»?

– «Головач», – гордо ответила Минута и вонзила белые зубки в румяный бок помидора.

– Уважаю, – с почтением произнёс Ухарь и понимающе кивнул. – Так ты послушница Храма Света! То-то я гадаю, откуда такие умения. При храме, наверное, и выросла? Сирота?

Минута молча кивнула в ответ, делая вид, что поедание помидоров – её наилюбимейшее занятие, от которого невозможно оторваться даже для разговора.

– Вот чего я не пойму, – ухмыльнулся Ухарь, – так это откуда в храмах столько сирот? Выращиваете вы их, что ли, как морковку?

Минута рассмеялась, открыла было рот для ответа, но тут, видимо, что-то вспомнила, посмурнела лицом и ничего не сказала. У Благуши самого давно вертелся на языке целый ворох вопросов насчёт её умений, но тема, затронутая Ухарем, похоже, была ей неприятна, и он великодушно решил её выручить.

– А правда, что Махина не умом человеческим придумана, а вместе с миром сотворена? – спросил он Ухаря, деловито перемалывающего мощными жёлтыми зубами все, до чего могли дотянуться руки, а руки у него – ого-го, а не руки – могли дотянуться куда угодно. Перед махинистом уже громоздилась солидная горка заячьих и рыбьих костей – и когда только успел?

– Как же иначе? – удивился Ухарь, небрежно подливая в чарку – тяжёлая бутылка в могучей руке так и порхала.

– Тогда почему ты упоминал про Бову Конструктора? Какое отношение он имеет к Махине?

– Не к Махине, – Ухарь назидательно поднял указательный палец, – а к паровому котлу. И котёл, и паруса придумал лично Бова, сам настоятель Храма Света, а его механики смастерили на Махине. А сегодня мне довелось их испытать, и весьма успешно!

Что ж это за Бова такой, задумался Благуша. И от Минуты ведь о нем слышал. Но раз она о своём знакомстве с этим Бовой Конструктором при Ухаре сообщить не торопится, то и он этого делать не станет. Хватит, второй раз он её подводить не собирается. У Минуты секреты свои, не для каждого – ему, славу, она доверилась под влиянием особых обстоятельств, это он понимал... А все-таки интересно было бы узнать о Бове побольше, разве что Минуту попросить познакомить, ежели, конечно, времени на это дело в храмовнике достанет. Да и захочет ли столь важная шишка, как настоятель Храма Света, тратить своё время на него, простого торговца...

– Значит, так, Благуша, – заявил Ухарь после очередной чарки, пронзительно уставившись на него маленькими чёрными глазками и утирая усы ладонью. – Как прибудем, сразу хватаешь руки в ноги, пар в задницу, и смываешься подальше от Станции, я даже скажу куда.

– Почему? – Благуша широко распахнул глаза, озадаченный такой новостью.

– А ты что, хочешь пару часов за разговорами с фискальниками провести?

– Фискальниками?

– Это начальство у рядовых стражников так прозывается, – пришла на помощь Минута. – Любят они до чрезвычайности изводить вопросами свидетелей преступных происшествий, особенно приезжих. Опыта общения с фискальным отделением у таких, как ты, ведь никакого, вот те и рады стараться, лишь бы человека на нервы извести.

– Правильно, девица, – одобрительно кивнул Ухарь. – А Пивеня я сам сдам да объясню там что к чему. Есть у меня среди фискальников кореш, не так чтобы близкий, но надёжный, так что я с этим делом быстро управлюсь. Тебе же советую остановиться в гостинице «Блудная дева» – вполне приличное заведение, смею уверить. Там я тебя и найду до полуночи, тут можешь не беспокоиться, моё слово железное, пар в задницу!

– А как я найду эту гостиницу, оторви и выбрось? – Благуша забеспокоился. – Храмовник ведь большой!

– А я тебе покажу. – Минута так ласково улыбнулась славу, что у того сразу растаяло сердце и пропали все сомнения. Да и глупо было отмахиваться от дружеских советов, а что советы шли от друзей – в этом дорога уже убедила.

Они ещё долго болтали о том о сём, время за дружеской беседой летело незаметно, а Махина мчалась все дальше и дальше, и вскоре показался пригород храмовника. Как грибы вырастали и уносились прочь веси и небольшие городки, все более теснившиеся к столице Простор-домена; оказавшиеся в этот час рядом с путями миряне, глядя, как мимо них, оглушая рёвом, пролетает голая, без вагонов, Махина, изумлённо глазели вслед и качали головами. Внутри же Махины постепенно стало спокойнее и тише, горюч-камень в топке парового котла прогорел, большая часть пара ушла в гудок, и сейчас они ехали в относительной тишине, которую нарушал лишь ровный стук работающих механизмов Махины.

К этому моменту величественный город-гора уже заслонял впереди большую часть неба.

– Ну, собирайся, Благуша, – сказал Ухарь. – Пора.

– Да ты ж ещё Махину не остановил, – удивился Благуша.

– Сама остановится. При подходе к Станции всегда так, пар в задницу, как ни разгоняй, все равно встанет. Махина словно в невидимую сеть попадает и мягко притормаживает. Так уж Станция устроена.

– А вагоны? Тоже так затормозят? Люди не пострадают?

– Соображаешь, – кивнул Ухарь, глянув на Благушу как-то по-новому, отчего тот сразу загордился. – И вагоны никуда не денутся, и бандюки с них прямо в руки властей попадут. –

Ухарь широко ухмыльнулся и подмигнул. – Я за них тоже награду стребую, так что готовь второй кошель, в твой такой барыш не поместится!

– А Минуте? – В Благуше разыграла справедливость.

– Да ладно тебе, Благуша, мне бабки не нужны, – заскромничав, попыталась отмахнуться девица.

– Да ежели бы ты меня к Ухарю не послала, сейчас бы я нищим был!

– Ну что ж, значит, и девице твоей выделим. – Ухарь немного поскущел. В его планах делёж выглядел иначе.

– Да не моей. – Благуша покраснел, украдкой глянул на Минуту и, наткнувшись на странно укоризненный взгляд, смешался ещё больше. – Моя... оторви и выбрось... моя Милка меня в Светлой Горилке дожидается... С Минутой мы в путешествии познакомились.

– Ладно, решено! – Ухарь решительно (но мягко) опустил ладонь на стол, стараясь не перевернуть то, что на нем стояло. В бутылках все же немного булькнуло, а горки костей просели вниз. – Да, в вагонах вещи какие-нибудь забыли? А то я принесу, как придут.

– Все моё при мне, – быстро сказала Минута.

– А у меня там только котомка полупустая валялась, – отмахнулся Благуша, – поди, спёрли уже. Так что все моё тоже при мне.

Ухарь кивнул, встал, подошёл к водильному креслу, но садиться не стал, а в задумчивости уставился вперёд, сквозь лобовое окно. Так как необъятные богатырские плечи махиниста практически загрозили весь обзор, то Благуша тоже поднялся и встал рядом с ним, не желая упускать ничего интересного из своего прибытия в храмовник. А чуть погодя к обоим присоединилась и Минута, которой, как хотелось надеяться славу, приспичило постоять рядом с ним исключительно из положительных чувственных побуждений в отношении его персоны.

Так они и стояли втроём, плечом к плечу, глядя, как Машина подъезжает к Простору.

Глава двадцатая, где Благуша ускоренными темпами познает блага цивилизации

*Суэта сцёт – верное средство для головной боли.
Апофегмы*

Машина заметно снижала скорость, хотя машинист даже не притронулся к приборной доске – в полном соответствии с тем, что он говорил ранее. Веховые столбы уже не бежали, а вяло проплывали мимо. Огромный, неоглядный, сделанный весь из лазурного байкалита, усечённый конус храмовника поднимался ввысь гигантскими ступенями. Вот он занимает половину неба, а вот занимает и все небо, так что ничего, кроме лазури стен, уже и не видать. А прямо перед Машиной быстро вырастал тёмный зев туннеля, прорезанного в толще байкалитовых стен, куда и убегали рельсы.

– Экая ахава! – подумалось потрясённому столь величественной картиной Благуше. – За жизнь не обозреть!

Тут Машина влетела в тоннель, на мгновение все вокруг потемнело – но лишь на мгновение, так как в потолке уже вспыхнули маленькие, с ладонь, истекающие бледно-жёлтым светом зеркала, равномерно расположенные друг от друга на расстоянии шага. Благуше почудилось, что на него уставились быстро мелькающие, непонятно кем присобаченные к байкалиту буркала неведомых чудищ, пустоголовых и слепых, несмотря на выпускаемый свет. Но лишь показалось. Сравнение пришло и сгинуло. Машина чесала дальше, продолжая потихоньку тормозить, а зеркала выполняли свою работу, и выполняли исправно – хорошо стало видно, как колёса несут их по нижнему ярусу храмовника вдоль расступающихся вишь стен, открывающих какие-то постройки.

Ухарь протянул длинную руку, дёрнул за шнур, и Машина издала последний прощальный гудок.

– Все, гости дорогие, приехали! – громко объявил Ухарь. – Спасибо за компанию, весёлая получилась поездка, против всех ожиданий! Может, мне и дальше без золушка ездить?

– Ага, – поддакнул Благуша, – только перчатки прихвати для тех, кого к котлу горяч-камень швырять поставишь.

Повернувшись, рыжеусый богатырь обнял Благушу, да душевно так обнял, аж ребра у того затрещали, затем, выпустив сдавленно охнувшего слава, чмокнул в щёчку зардевшуюся Минуту. Пока чувствительно взволнованный Благуша пытался подобрать подходящие ответные слова, Ухарь ткнул рукой в сторону тамбура и сказал:

– Прощаться не будем, ещё свидимся. А теперь быстренько дуйте через заднюю дверь, пока на перроне не оказались. Думаю, начальство уже торопится навстречу.

– Хорошо, Ухарь. Будем ждать в этой... как её...

– «Блудной деве»! – со смехом подсказала Минута.

Слав подхватил девицу за руку и побежал с ней к заднему выходу. И вдруг остановился как вкопанный. Так, что послушница Храма Света налетела ему на спину и удивлённо ойкнула.

– Оторви и выбрось, а где же Пивень?!

Место на лежаке пустовало. Бандюк исчез. А тамбурная дверь была открыта настежь. Ухарь подскочил, коротко глянул гневно сузившимися глазами и с неприкрытой досадой бросил:

– Эх, недоглядели, пар ему в задницу! Пока мы разговоры разводили, взял да и ушёл! – затем уверенно добавил: – Ничего, не уйдёт! Сейчас корешкам звякну, розыск объявят по

всему храмовнику. Но за Пивеня награды нам теперь не видать, другие поймают... Ничего, остальная ватага уже на подходе, а за них куда больше дадут! Ну все, поторапливайтесь, к перрону подъезжаем!

Сейчас Махина уже еле плелась.

Благуша выбежал на край платформы, примерился и соскочил на рельсы. Как выяснилось, немного не рассчитал – зубы лязгнули от отдачи в пятках, но ничего, остались целы. Морщась, он быстренько обернулся, протянул руки и помог спрыгнуть Минуте. Ухарь махнул им рукой и скрылся в глубине махинерии, а Минута тут же потянула Благушу по оказавшейся рядом каменной лестнице вверх – на второй ярус. Благуша озирался на бегу, стараясь рассмотреть как можно больше – уж очень непривычной была картина окружающего. Было так просторно и светло, словно они находились под открытым небом, но стоило глянуть вверх, на байкалитовый свод Станции, устроенной, не в пример Краю домена, прямо в толще храмовника, как обманчивое впечатление пропадало. Потом они выбрались с территории Станции, и от бесчисленных переходов, лестниц и туннелей, по которым его повела быстроногая провожатая, у слава напрочь потерялась всякая ориентация.

В одном месте они остановились, и Минута показала Благуше рукой вниз сквозь прорезанную в стене каменную решётку – он увидел уже остановившуюся тушу Махины, заполненный одетыми ярко, по-столичному людьми перрон и на нем – внушительную даже отсюда фигуру Ухаря, к которому спешила группа людей в зелёных и красных мундирах.

– В красных мундирах – фискальщики, – пояснила Минута. – В зелёных – рядовые стражники. Совет Ухаря сэкономил нам пару часов. Лучше я покажу тебе город, чем сидеть и объясняться с этими жлобами.

– Буду рад быть твоим спутником, оторви и выбрось! – согласился Благуша, вытирая рукавом армяка взопревший лоб – в храмовнике было куда теплее, чем снаружи.

– Ну, пошли дальше. – Минута потянула его за руку.

Славу было приятно следовать за ней, так как от прикосновения нежной маленькой ручки (между прочим, способной вырубить бандюка не хуже мужской) он просто млел, уже не особенно-то и стараясь одёргивать себя мыслями о Милке. Вдобавок заблудиться в этих катакомбах одному труда не составляло, и он искренне радовался, что у него есть такая провожатая, как Минута.

Вскоре они вышли на городскую улицу, раскинувшую ряды трех-четырёхэтажных зданий из дерева и камня под байкалитовым сводом, испещрённым множеством маленьких зеркал, которые создавали видимость естественного дневного освещения. Здания из четырех этажей потрясали воображение – больше двухэтажного трактира в Светлой Горилке да высокого, но вовсе безэтажного купола Станции на Краю ничего выше из жилья слав в своей жизни не видел (сам храмовник был не в счёт, город-гора был возведён ещё Неведомыми Предками, а не руками простых людей).

От царившего здесь многолюдья, среди которого уверенно и ловко лавировала Минута, у Благуши через некоторое время зарябило в глазах. А люди все шли и шли. Сотни? Тысячи? Люди толкались на улицах и площадях, шумели, спорили, что-то продавали-покупали, чем-то обменивались, о чем-то договаривались, в общем, кто во что горазд. Тёплый армяк стеснял все сильнее, и слав, наплевав на приличия, расстегнул его донизу, но все равно истекал потом. Один раз к ним попытался пристать какой-то закомура – высушенный, как вобла, тощий нанк в синей рясе, проникновенным голосом вопрошая, знают ли они настоящее имя Предка, – и отстал только тогда, когда Минута совсем не по-женски рявкнула в ответ, что знает даже его фамилию, а не то что имя. Затем перед ними развернулась ярко освещённая площадь с огромной статуей Смотрящего Олдя в центре, Великого Двуликого, вокруг которого толпились прилично одетые попрошайки и привычно гундосили, что сами они не местные, что вот, мол, ни кола у них и ни двора и вообще жизнь их столь тяжела, что дальше уже некуда, и неплохо

бы облегчить её некоторым количеством бабок. Ну, эта публика была известна Благуше ещё по родной веси, да и на конах от неё продыху не было, так что он по своему обыкновению пропускал притворное, бессовестное нытьё мимо ушей.

Наконец они оказались на краю площади, где перед взором Благуши предстало трехэтажное здание с ярко размалёванной вывеской «Блудная дева». Минута, не останавливаясь, устремилась в солидную двухстворчатую дверь из морёного дуба. В гостевой зале им навстречу поспешил низкорослый толстяк-егр, чернокожий и светловолосый, как и все егры, видимо сам хозяин гостиницы. Круглое лицо расплылось в приветливой улыбке, пухлые ручки, взметнув рукава шикарного халата из золотистого плиса, распахнулись в гостеприимном жесте. Минута представила егра Благуше (его звали Бодун), перебросилась с ним парой слов, а затем мило попрощалась со славом, что для него оказалось неожиданным ударом судьбы. Но тут же успокоила обещанием заглянуть через пару часиков и прогуляться вместе с ним по городу, чтобы показать местные достопримечательности.

После чего выпорхнула из гостиницы, а её хозяин Бодун, шустро семена короткими ножками, повёл Благушу в свой лучший, по его уверению, номер, располагавшийся на третьем этаже. Там, как оказалась, и ванну принять было можно, и для естественных надобностей никуда не надо было отлучаться, и еду можно было заказать прямо с доставкой. Благуша стал прикидывать в уме, во сколько же бабок ему выльется такая забота и предупредительность, и собственный кошель, где ещё позванивали бабки в количестве почти шести матрёшек, то есть почти целого бочонка, показался ему неожиданно тощим и жалким для столицы. И уж совсем забеспокоился слав после сообщения хозяина о том, что в этом номере был недавно сделан капитальный ремонт. Что такое «капитальный ремонт», Благуша не ведал, но по тону егра до него дошло, что это нечто особенно крутое, настолько крутое, что, похоже, ему не хватит никаких бабок. А бабки ему ещё были ох как нужны для других надобностей. «Влип», – подумал слав и от этой мысли вспотел ещё сильнее. Но как отказаться? Минуту подводить не хотелось, да и себя на посмешище выставлять тоже.

А хозяин продолжал разливаться трепыхалой по поводу достоинств своей гостиницы. Тогда торгаш решил камила пока не гнать и нарочито скучным голосом поинтересовался, во сколько ему этот «капитальный ремонт» обойдётся. Ответ коротышки приятно удивил. Бодун заявил, что это храмовая квота и что, дескать, храмовые гости за честь его странноприимному дому. «Ай да Минута! – пыхтя на очередном лестничном пролёте, мысленно похвалил слав, сразу сообразив, откуда на него свалилось такое счастье. – Молодец девица!»

Наконец они добрались до нужного номера, и егр Бодун предупредительно распахнул перед Благушей дверь. После подъёма на третий этаж коротышка даже не вспотел и дышал ровно, чему можно было только позавидовать. Показав гостю, как пользоваться водоналивными кранами с холодной и горячей водицей, удобным нужником с высоким, непривычного вида сиденьем из белого мрамора и шнурком колокольчика, по которому вызывался коридорный, Бодун вежливо откланялся и оставил его одного.

Благуша устало вздохнул, смахнул со лба испарину, скинул пропотевший армяк прямо на пол, оставшись в алой рубахе, и осмотрелся. Номер и вправду был роскошный. Даже чересчур. Прежде всего, в глаза бросалась чудовищных размеров кровать – на такой можно было не только всей семьёй спать, но и соседей по Светлой Горилке пригласить, с целой кучей сопливых детишек, да и то, наверное, место ещё бы осталось. Непонятно, зачем такая нужна? В догонялки, что ли, с супругой играть? Так, глядишь, и до утра не поймает, все желание пропадёт.

Ладно, Смотрящий пусть на ней и почивает, Благуше она все равно ни к чему. Ему не то что ночевать, просто поваляться времени не было – скоро обещалась зайти Минута. С любопытством скользнув взглядом по огромным, от потолка до пола, гардинам из какой-то дорогой красивой материи, прикрывавшим просторное окно номера от света улицы, слав решительно отправился в моечную – небольшую комнатку размером четыре на четыре шага, с бассей-

ном вместо пола. Там уже плескалась прозрачная голубоватая водица, заметно исходившая паром – хозяин расстарался. Быстренько скинув всю одежду, Благуша потрогал ногой водицу, оказавшуюся терпимо горячей, и бултыхнулся целиком. Какое-то время он просто неподвижно сидел, отмокая, аж прикрыв от наслаждения глаза, затем принялся орудовать мылом и мочалкой, смывая с себя грязь и усталость.

Когда через полчаса он выбрался из бассейна, благоухая чистотой, то в номере на просторном столе его уже ждал горячий обед. От закрытых крышками блюд исходили такие аппетитные запахи, что слав, несмотря на недавнюю трапезу в Махине, вдруг почувствовал зверский голод и принялся уминать все подряд, даже толком не понимая, что он такое ест. После чего, довольно потирая туго набитый живот обеими руками, вышел на балкончик – проветриться.

Отсюда хорошо просматривалась площадь, по которой его привела Минута, и Благуша засмотрелся на статую Смотрящего, бывшую даже выше третьего этажа, на котором его разместили. В его сторону было обращено доброе лицо Двуликого, исполненное вселенского великодушия, а злое смотрело в противоположную, заставляя ёжиться входящих на площадь, – он посчитал это хорошим знаком. Глядя на ласково взирающие на него глаза Смотрящего, Благуша ощутил, как на него нисходят небесная благодать и спокойствие, а затем и вовсе впал в какое-то благоговейное оцепенение.

Неизвестно, сколько он так простоял, прихода Минуты он не заметил и очнулся от ступора, лишь услышав рядом её милый голос:

– Красиво, правда?

Благуша порывисто обернулся и снова замер, восхищённый уже видом самой Минуты. Девушка избавилась от своего невзрачного шерстяного плаща, переодевшись в небесно-голубой наряд, лёгкий, воздушный и весьма соблазнительно подчёркивающий формы её тела, оказавшиеся не такими уж и скудными, как ему показалось при знакомстве. По крайней мере, грудь девушки ничем сейчас не уступала красотам Милки, а то даже и превосходила – например, смелостью шейного выреза открывая приятные глазу нежные округлости. Сердце слава сладко затрепетало где-то в районе переполненного желудка – и куда только подевалась серая послушница?! Сейчас перед ним усладой глаз предстала красивейшая из женщин, которых он когда-либо видел в своей жизни!

– Не то слово! – вырвалось у него. – Просто лепота!

– Ну что ж, друг мой, – Минута кокетливо улыбнулась, оценив по достоинству вызванное её видом восхищение, полыхавшее в глазах слава, причём её собственные очи сияли ничуть не меньше, – времени у нас до полуночи ещё немало, так что пойдём, покажу тебе мой город. Я всегда выполняю свои обещания.

«Ценное качество, особенно для женщины», – подумал слав. Потом спохватился:

– А ежели Ухарь зайдёт, когда нас не будет, оторви и выбрось?

– Ничего, ежели что и будет передать, то оставит хозяину гостиницы. Бодун исключительно честный малый, я его давно знаю.

– Интересно, а вагоны уже прибыли или нет? – задумчиво проговорил слав.

– Не терпится получить награду за бандюков? – Минута снисходительно улыбнулась.

– Да нет, оторви и выбрось! О людях беспокоюсь! – Слав энергично помотал головой, отменяя всякие подозрения в материальной заинтересованности, которая, конечно, имела место – какой же он торгаш, ежели не будет думать о прибыли? Тем более о дармовой? Но портить о себе впечатление он не собирался, а что может подпортить – это он почувствовал, поэтому развивать тему благотворно не стал.

– Нет, вагоны, как ни странно, ещё не прибыли. То ли Ухарь не рассчитал со скоростью, то ли бандюки ещё что-то с ними сотворили. Остаётся только ждать. Кстати, как я узнала,

Махину с нашим махинистом уже послали обратно – навстречу составу. На этот раз Ухарь поехал в компании с целой толпой стражников, так что скучать ему снова не придётся.

– Понятно... – Благуша кивнул. – А тот пакет, что ты прятала в вагоне... Теперь уже можешь сказать, что там было?

Минута укоризненно покачала пальчиком у него перед глазами:

– Эти дела тебя не касаются, Благуша. Пакет я забрала, но что внутри...

– Понял, понял, оторви и выбрось!

– Только не обижайся, хорошо? Это не мои личные секреты.

– Да что ты, Минута, – какие обиды! – искренне воскликнул слав – Я тебе и так до конца жизни буду благодарен за помощь, оторви и выбрось!

– Так уж до конца жизни? – Девушка лукаво прищурила свои прекрасные зеленые глаза.

И тут Благуша не удержится. Стремительно шагнув к Минуте, он обнял её, испытывая сладостное чувство от прикосновения ладоней к нежной девичьей коже, прикрытой лишь тончайшей шелковистой тканью, и запечатлел на её губах крепкий поцелуй. Затем отступил на шаг – полюбоваться результатом. Лично ему ощущения понравились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.